

ПРОФЕССОРСКИЙ ЖУРНАЛ.

Серия: РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

№ 1(13)/2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Л.П. Клубукова, д.п.н., профессор,
член-корреспондент РАО, академик МАНПО,
зав. кафедрой, МГУ имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.Б. Авдеева, д.п.н., профессор, действительный член
Петровской Академии наук и искусств, МАДИ
Э.Г. Азимов, д.п.н., профессор, ГИРЯ имени А.С. Пушкина
Е.Л. Бархударова, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой,
МГУ имени М.В. Ломоносова
С.И. Богданов, д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАО,
и.о. академика-секретаря Отделения российской словесности РАО
Л.Д. Бугаева, д.ф.н., доцент, СПбГУ
А.Н. Варламов, д.ф.н., профессор, ректор,
Литературный институт имени А.М. Горького
Е.Н. Виноградова, к.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова
С.А. Вишняков, д.п.н., профессор, член-корреспондент МАНПО,
зав. кафедрой, МПГУ
В.А. Воропаев, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова
М.М. Голубков, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой,
МГУ имени М.В. Ломоносова
А.Д. Дейкина, д.п.н., профессор, МПГУ
Л.А. Дунаева, д.п.н., профессор, зам. декана,
МГУ имени М.В. Ломоносова
Е.И. Зиновьева, д.ф.н., профессор, СПбГУ
В.Б. Катаев, д.ф.н., профессор, заслуженный деятель
науки РФ, зав. кафедрой, МГУ имени М.В. Ломоносова
А.В. Коротышев, к.п.н., директор секретариата РОПРЯЛ,
МАПРЯЛ, руководитель Центра социолингвистических
исследований РУДН
В.В. Красных, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова
Е.А. Кузьмина, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова
О.В. Макарова, к.п.н., старший преподаватель,
МГУ имени М.В. Ломоносова
Ю.Б. Мартыненко, к.ф.н., доцент, МПГУ
Л.В. Московкин, д.п.н., профессор, почетный работник сферы
образования РФ, СПбГУ
Н.В. Поморцева, д.п.н., профессор, декан, РУДН
Т.И. Попова, д.ф.н., профессор, и.о. зав. кафедрой, СПбГУ
И.Н. Сухих, д.ф.н., профессор, СПбГУ
М.Ю. Федосюк, д.ф.н., профессор, МГУ имени Ломоносова
Е.А. Хамраева, д.п.н., профессор, зав. кафедрой, МПГУ,
директор межвузовского центра билингвального
и поликультурного образования, РГПУ имени А.И. Герцена
Е.А. Чернышенко, к.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова
Т.В. Шмелева, д.ф.н., профессор, Новгородский
государственный университет имени Ярослава Мудрого
Д.А. Щукина, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой,
Санкт-Петербургский горный институт
И.И. Яценко, к.п.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ

Т.В. Шмелева
Русский синтаксис: подходы и перспективы 2

М.И. Конюшкевич
Моделирование как способ инвентаризации скреп
русского языка 8

ЛИНГВИСТИКА:

СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ, ДИСКУРС

Д.А. Щукина, Н.А. Иванова.
Лексико-семантическая группа «Камни Петербурга»
(гранит, мрамор, пудостский камень):
функционирование компаративных тропов 22

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

М.В. Бочкина
Влечение к смерти в романе М. Степновой «Хирург» ... 32

2023: ГОД РУССКОГО ЯЗЫКА В СТРАНАХ СНГ

Е.А. Хамраева
Русский язык в образовательном пространстве
стран СНГ: система школьных сертификационных
уровней владения русским языком
и новая учебная литература 36

И.А. Пугачев, М.Б. Будильцева, И.Ю. Варламова
Методическое прогнозирование трудностей
в обучении русскому языку и культуре
речи студентов из стран СНГ 41

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

М.В. Синицына
V Международная конференция молодых ученых
«Пространство и время в русской литературе
и философии» 51

**Правила оформления статей и материалов,
подаваемых в «Профессорский журнал.
Серия: Русский язык и литература»** 56

Адрес редакции:
115035 г. Москва,
Космодамианская набережная
д. 26/55, стр. 7
e-mail: redactor@profsobranie.ru

Учредитель
Общероссийская общественная
организация «Российское
профессорское собрание»
(115035, г. Москва, Космодамианская
набережная 26/55, стр. 7)

Издатель
Общероссийская общественная
организация «Российское
профессорское собрание»
(115035 г. Москва, Космодамианская
набережная д.26/55, стр.7)

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), в перечень научных изданий ВАК.
Подписной индекс в объединенном каталоге «Урал-Пресс» — 79623.

Русский синтаксис: подходы и перспективы

Т.В. Шмелева,

доктор филологических наук, профессор, профессор

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

E-mail: szmiel@mail.ru

Статья посвящена обсуждению вопроса о перспективах дальнейшего изучения русского синтаксиса. В частности, речь идет о сложном предложении, возможностях его описания в свете идеи трехаспектности высказывания, которую высказал чешский лингвист Фр. Данеш. Показано, что последовательная реализация этой идеи приведет к исчислению семантических структур, или семантических типов сложного предложения, совершенствованию описания сложного предложения в актуальном аспекте и к пересмотру его конструктивного аспекта, которому в данной статье уделено основное внимание.

Ключевые слова: русский синтаксис, три аспекта предложения, сложное предложение, техника сложного предложения.

В продолжение размышлений о задачах отечественной русистики, начатых на страницах «Профессорского журнала» (см.: [Шмелева 2020]), в настоящей работе предлагается опыт осмысления перспектив изучения русской синтаксической системы.

Одной из таких перспектив, намеченных еще в шестидесятые (а в отечественной русистике — семидесятые) годы прошлого столетия, остается реализация трехаспектного подхода к предложению, «исходной точкой» которого стала идея уровней в синтаксисе, сформулированная чешским лингвистом Франтишком Данешем (1919–2015) в статье [Daneš 1964], не переведенной на русский язык, но оказавшей влияние на развитие русской синтаксической науки. Стоит заметить, что термин Фр. Данеша *уровень* (level), довольно быстро был заменен терминами *аспект* и *сторона* [Белашапкина 1977: 82]. Это вполне объяснимо: в первом термине (не без влияния широко распространенной уровневой концепции строения языка) проявляются коннотации однородности трех аспектов предложения и их вертикальной иерархии (отношения типа «выше / ниже», ср.: предложение — слово — морфема — фонема); два других

термина свободны от таких коннотаций — аспекты (стороны) изучаемого синтаксического объекта должны быть разнородными, они не обнаруживают иерархической зависимости. Как свидетельствует последняя из приведенных выше библиографических ссылок, идея трехаспектности предложения была введена в учебник русского синтаксиса для университетов в 1977 году, где о ней говорится как о важнейшей для понимания природы предложения. Более того, в дальнейшем трехаспектность предложения послужила основанием для установления «тройственной» организации синтаксической науки, которая может быть представлена как три синтаксиса — конструктивный, семантический и коммуникативный [Современный русский язык 1981: 412].

Однако от провозглашения идеи до воплощения ее в реальных описаниях предложения, анализе его в рамках вузовского, а тем более школьного преподавания — «дистанция огромного размера», и она еще не пройдена нашей наукой. При этом, как уже отмечалось [Шмелева 2010: 118], осмысление в рамках трехаспектного подхода простого и сложного предложения несимметрично. Простое предложение в трех указанных аспектах

уже описано (см.: [Грамматика 1970]); что касается сложного предложения, то можно сказать, что его семантический и коммуникативный (актуальный) аспекты, безусловно, изучались (см, например, монографии [Шувалова 1990; Абашева 2006; Мишланов 1996] и др.), однако цельного комплексного трехаспектного описания русского сложного предложения до сих пор не представлено, если не считать первого опыта такого описания, предложенного в вузовском учебнике [Современный русский язык 2014: 249–258]. И дело не только в инерции мышления лингвистов-теоретиков и преподавателей синтаксиса, что, конечно, имеет значение. Важнее другое: осмыслению семантики и актуального устройства предложения сопротивляется понимание синтаксиса как учения прежде всего о строении единиц данного языкового уровня, поэтому простое и сложное предложение — это принципиально различные единицы синтаксиса, и их изучение осуществляется в рамках разных разделов синтаксической науки.

Но в практике создания, редактирования и перевода текстов отличия простого предложения от сложного оказываются не столь принципиальными. На это обращалось внимание в классической грамматике. Например, при характеристике изъяснительных предложений указывается на эквивалентность придаточного и инфинитива, как в предложениях *Мы хотели закончить работу не позднее января* и *... чтобы работа была закончена не позднее января* [Грамматика 1970: 706]; существует также возможность для предикативной единицы и словоформы оказаться в сочинительном ряду, как в предложении *Внучка рассказала и про цирк, и про то, что с мамой ходить лучше, чем с папой, и про новое пальто* [Там же: 708]. Из этого не делается выводов об условности границ между простым и сложным предложением, но факты говорят сами за себя. В коммуникативной грамматике особо подчеркивается, что некоторые простые предложения, которые часто квалифицируются как полипредикативные (или, в другой терминологии, осложненные), в плане «информативного

объема» оказываются в одном ряду с соответствующими сложными предложениями, если прибегнуть к синонимическим преобразованиям, сопоставлению фраз разговорной и литературной речи, а также оригинала и его перевода на другой язык [Золотова и др. 2006: 217–225].

Не абсолютизируя границ между единицами синтаксиса, следует признать, что сложные полипропозитивные семантические структуры воплощаются в формальных структурах как простого, так и сложного предложения, и выбор между ними, а также между конкретными моделями зависит от ряда факторов, среди которых формальная простота / сложность предложения если и значит что-то, то отнюдь не более других факторов. Так, в описании изъяснительного предложения, интерпретируемого как смысловой тип, оказалось необходимым объединить сложные предложения, включая бессоюзные, и простые — как глагольные, так и инфинитивные, что позволило выстроить ряд парадигм, в основе которых — семантика изъяснительности и общность одного из элементов: субъект, делибератив, модусный предикат [Стексова, Шмелева 2022: 63–80]. Опыт работы над этим материалом убеждает в том, что стремление выявить весь круг возможностей выражения одной смысловой структуры — в теоретическом и лингводидактическом планах — важнее и результативнее, чем различение формальных структур предложения, в частности противопоставление простого и сложного предложения.

Если представить семантический синтаксис как исчисление смысловых типов и их проекцию на конструктивные возможности воплощения каждого, то окажется, что элементарные смысловые типы, соотносимые с пропозициями бытия, движения, действия и т. д., проецируются на конструкции простого предложения, тогда как сложные смысловые типы воплощаются в структурах как простого, так и сложного предложения.

Существенно при этом, что различие таких воплощений лежит в плоскости актуального синтаксиса, назначение

которого — объяснять соотношение семантических элементов по степени их коммуникативной значимости. И если при изучении простых семантических типов подобное объяснение достигается с помощью таких уже ставших традиционными для синтаксиса понятий, как тема и рема, то для сложных семантических типов необходимо использовать понятие *коммуникативный вес пропозиции*, обоснованное в работе [Шмелева 2013] и затем введенное в практику вузовского преподавания синтаксиса [Современный русский язык 2014: 271–273]. И здесь, как нетрудно заметить, тоже оказывается необходимым преодолеть границы простого и сложного предложения.

Осмысляя семантический и актуальный синтаксис как не реализованные во всей полноте перспективы синтаксической науки, потребность в реализации которых не вызывает сомнений, следует сказать, что и конструктивный синтаксис, который фактически занимает центральное место в синтаксических исследованиях, не может быть оценен как исчерпывающе изученный и описанный. В частности, в области сложного предложения не преодолен подход, который может быть обозначен как союзоцентризм. О том, как много для его преодоления было сделано В.А. Белошапковой, концепция сложного предложения которой представлена в описании сложного предложения в таких изданиях, как [Грамматика 1970: 652–740] и университетские учебники современного русского языка [Белошапкова 1977; Современный русский язык 1981] и др., см. подробнее: [Шмелева 2017]. Для понимания этой концепции важно отвлечься от характеристик формальных типов сложного предложения и увидеть *технику сложного предложения*, если можно так сказать, в чистом виде. Этот подход к сложному предложению был представлен в статье [Шмелева 2010], а затем использован в учебнике [Современный русский язык 2014: 303–310] и в монографии [Стексова, Шмелева 2022: 55–57].

При таком подходе к конструктивному аспекту сложного предложения оказывается, что множество его типов строятся на основе *пяти техник*, которые пред-

ставляют собой специфические средства, обеспечивающие соединение предикативных частей сложного предложения и выражение смысловых отношений между ними [Современный русский язык 2014: 303]. Каждая из техник представлена серией разновидностей, принцип действия каждой вполне очевиден, а ее отличия от других поддаются, как кажется, непротиворечивой интерпретации.

Можно разграничить следующие техники сложного предложения: нулевая, союзная, партикулярная, местоименная и местоименно-союзная.

Нулевая техника обеспечивает организацию сложных предложений, которые принято именовать бессоюзными, в чем видится одно из проявлений союзоцентризма. Симптоматично, что и отношения частей в таких предложениях квалифицируются как недифференцированные [Белошапкова 1977: 236], в их устройстве обнаруживаются элементы типизированности — анафорические элементы и заключительные частицы, а также незамещенность синтаксической позиции предиката [Грамматика 1970: 736–739; Белошапкова 1977: 241]. Стоит отметить, что бессоюзные предложения с однородным составом частей и отношениями перечисления между ними В.А. Белошапкова относит к сложносочиненным [Грамматика 1970: 736; Белошапкова 1977: 235], что можно рассматривать как собственно семантическое, а не структурно-семантическое решение. При характеристике предложений с незамещенной позицией предиката типа *Было ясно: мы опаздываем* настойчиво подчеркивается их близость (соотнесенность) с изъяснительными, и создается впечатление, что описание замирает в шаге от того, чтобы отнести их к сложноподчиненным [Грамматика 1970: 737–738; Белошапкова 1977: 239–240]. Этот шаг был сделан позднее, и бессоюзные изъяснительные предложения получили развернутую и разноаспектную характеристику в работе [Чайковская 1988].

Местоименная техника основана на способности анафорических местоимений [Крылов, Онипенко 2020: 345], занимающая позицию в одной предикативной еди-

нице, отсылать к другой или ее элементу в составе сложного предложения. В рамках союзоцентричного подхода такие местоимения квалифицируются как союзные слова, что затемняет их реальную синтаксическую работу. В описании [Грамматика 1970] предложения местоименной техники расположены в разных типах, но если иметь в виду только технику и расположить ее разновидности от простых к более сложным, то можно получить иной ряд.

Первым придется назвать предложения, в которых местоимение ретроспективно-анафорически замещает одну из предикативных единиц в составе другой, при этом само выступает в любой падежной форме: *Он опоздал, что всех удивило / чему я даже обрадовался / чего никто не заметил / о чем только и говорили вчера* (относительно-распространительные предложения в концепции В.А. Белашапковой [Там же: 735]). Далее следуют предложения, в которых местоимение одной предикативной единицы анафорически отсылает к одному из субстантивов другой, при этом местоимение *который* безразлично к его семантике, а местоимения *где, куда, откуда, когда* согласуются с локальной или темпоральной семантикой субстантива (это традиционно определительные, в концепции В.А. Белашапковой — присубстантивные предложения [Там же: 694–698]). Третий случай представляет техника парного действия местоимения — проспективно- и ретроспективного, при этом местоимения отсылают друг к другу, за счет чего происходит отождествление разных элементов двух предикативных единиц, что и позволило именовать такие предложения отождествительными: *Кто хочет, тот добьется; Как аукнется, так и откликнется* [Там же: 685]. Получается, что в рамках сложного предложения местоимения не реализуют проспективно-анафорические свойства; но кажется, нет препятствий к тому, чтобы видеть именно такой случай в предложениях, которые квалифицируются как бессоюзные с анафорическим элементом, типа *Впечатление такое: рассказ писали два человека* [Там же: 736].

Союзная техника занимает существенное место в организации сложного пред-

ложения, что, собственно, и объясняет союзоцентризм русского синтаксического мышления. Многочисленность и разнообразие союзов, формирование их на основе местоимений и предлогов, активное взаимодействие с частицами — всё это говорит о том, что первичной в этой технике является лишь небольшая часть показателей связи, которые характерны не только для сложного предложения (*и, а, но*), а остальные выработаны для обслуживания смысловых потребностей сложного предложения (забегая вперед, можно сказать: и текста).

Партикулярную технику, или технику частиц, напротив, не назовешь активно эксплуатируемой в организации сложного предложения: частицы, на которых «держатся» сложные предложения, можно пересчитать — *как бы, ли, же*. При этом в грамматическом описании отмечена особая роль частиц, сопровождающих сочинительные союзы и уточняющих их значение; они квалифицируются как «полусоюзные слова», выступающие в сочетаниях типа *а значит, и все-таки, но всё же, а между тем* и др. [Там же: 674]. Правда, почему некоторые из приводимых в описании частиц (например, *поэтому, потому, оттого, зато, ведь*), нельзя считать союзами, остается загадкой. Вообще говоря, граница между союзами и частицами — особая проблема не только для историков языка, но и для исследователей современного синтаксиса.

Наконец, следует назвать комплексную **местоименно-союзную** технику, которая базируется на двух предикативных единицах сложного предложения: в одной представлено проспективно-анафорическое местоимение, отсылающее к пропозиции в целом, а в другой — союзы *что, чтобы, будто, как будто*.

Если отталкиваться от местоимений, то следует сказать, что эта техника представлена двумя разновидностями.

Первую составляют субстантивные местоимения, которые выступают в разных падежных формах: *в том, о том, с того* и т. д.; в результате формируются изъяснительные и вмещающие конструкции; последние впервые фигурируют

в описании сложного предложения в [Грамматика 1970: 691–694], а в изъяснительных конструкциях такого типа местоименный компонент структурно факультативен, его роли посвящен особый параграф академической грамматики 1970 г. [Там же: 707–708].

Вторую представляют адъективные и наречные местоимения со значением степени: *такой, так, столь, настолько*, а также аналитические выражения прономинального типа *в такой мере, в такой степени*; в результате использования этой техники формируются предложения типа *Я так привык к одиночеству, что хоть прячься от людей; Художник стремился писать так, чтобы на картинах его был ощущим воздух* [Там же: 687–690].

Обобщая рассуждения о техниках сложного предложения, стоит подчеркнуть такой момент. Союзная и партикулярная техники опираются на лексические средства, то есть их действие основано на выборе определенного служебного слова с учетом его семантики и стилистических потенций, по отношению к ним применимы описания типа лексикографических в режиме портретирования. Местоименная и местоименно-союзная техники — иной природы, это работа не лексем, а синтаксических механизмов, поэтому «поштучное» их описание невозможно; важно показать принципы действия их «шестеренок» и дополнительные условия, например характеристики опорных слов. Ни тот, ни другой тип техники не работает в синтаксическом вакууме: необходимость учитывать лексико-грамматический фактор при изучении и описании техники предложения сегодня очевидна. При этом нельзя

не иметь в виду, что в некоторых случаях механизмы теряют подвижность, застывают, по выражению Шарля Балли, «ржавеют», как в конструкциях типа *Стоило... , как; Не успел... , как* и под.; тогда мы имеем дело с третьим типом техники сложного предложения — фразеологическим, который тоже можно описывать лексикографически, как это сделано, например в учебном пособии [Синтаксис 1985]. Таким образом, техника сложного предложения представляет собой значительный массив разнообразных по природе средств связи предикативных единиц разной природы, что нельзя игнорировать в исследовании, описании и преподавании.

Подводя итоги, следует подчеркнуть следующее. Русский синтаксис развивался как учение о единицах, количество которых постепенно увеличивалось: к словосочетанию прибавляется простое предложение, и только после этого — сложное предложение. На этой линии развития не реализована в полной мере перспектива освоения **текста** как самой сложной единицы, хотя для этого есть все условия. Наряду с этой важной перспективой всё с большей определенностью вырисовывается перспектива изучения свойств высказывания, которые проявляются в дискурсивном пространстве, что требует особых усилий и новых подходов, как показывает опыт такого изучения изъяснительной конструкции, см.: [Стексова, Шмелева 2022]. Обе эти перспективы (как представляется, важнейшие для современного синтаксиса) заслуживают серьезного рассмотрения и дискуссии, что, полагаю, и могло бы найти место на страницах журнала.

Литература

1. Абашева В.Н. Вопросы коммуникативно-прагматического описания сложного предложения в русском языке: аспект актуального членения. Львов: Издательский центр ЛНУ имени Ивана Франко, 2006. 344 с.
2. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая школа, 1977. 248 с.
3. Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1970. 768 с.
4. Золотова Г.Н., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / под общ. ред. Г.А. Золотовой. М., 1998. 528 с.
5. Крылов С.А., Онипенко Н.К. Местоимения, местоименные слова // Русский язык: Энциклопедия / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН; Под

- общ. ред. А.М. Молдована. 3-е изд., перераб и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 340–344.
6. Мишланов В.А. Семантика и структура русского сложного предложения в свете динамического синтаксиса. Пермь: Изд-во Пермского университета, 1996. 320 с.
  7. Синтаксис сложного предложения (устойчивые структуры русского языка): учебное пособие / под ред. Н.А. Андрамоновой. Казань: Изд-во Казанского университета, 1985. 134 с.
  8. Стексова Т.И., Шмелева Т.В. Русское изъяснительное предложение в дискурсивном пространстве: монография. СПб.: Дмитрий Буланин, 2022. 288 с.
  9. Современный русский язык: учебник / под ред. В.А. Белошапковой. М.: Высшая школа, 1981. 560 с.
  10. Современный русский язык: учебник для вузов. Стандарт третьего поколения / под ред. Л.Р. Дускаевой. СПб.: Питер, 2014. 352 с.
  11. Чайковская Н.Н. Бессоюзное изъяснительное предложение. Алма-Ата: Наука, 1988. 320 с.
  12. Шмелева Т.В. Техника сложного предложения // Лингвистические идеи В.А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике / под ред. Л.М. Байдж. — Тюмень: Мандр и К°, 2010. — С. 116–133. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21140699>
  13. Шмелева Т.В. Коммуникативный вес пропозиции // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2013. № 5. С. 189–198.
  14. Шмелева Т.В. Союзцентризм и его преодоление в концепции сложного предложения В.А. Белошапковой // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 5. С. 114–122.
  15. Шмелева Т.В. Исследование русского языка: нерешенные задачи и новые перспективы // Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература: изучение и преподавание № 1 (1). 2020. С. 3–6. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42637655> DOI: 10.18572/2687-0339-2020-1-3-6
  16. Шувалова С.А. Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения. М.: Изд-во МГУ, 1990. 160 с.
  17. Daneš Fr. A three level approach to syntax // Travaux linguistique de Prague. L'École de Prague d'aujourd'hui. Prague, 1964.

Russian syntax: approaches and perspectives

T.V. Shmeleva,

Doctor of Philology, Full Professor, Professor
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

E-mail: szmiel@mail.ru

The article presents an idea of the prospects of Russian syntax. In particular, we are talking about a complex sentence, the possibilities of its study and description in the light of the idea of a three-dimensional statement, which was expressed by the Czech linguist Fr. Danesh. It is shown that the implementation of this idea will lead to the calculus of complex semantic structures, or semantic types of a sentence, the improvement of the description of a complex sentence in the actual aspect and the revision of its constructive aspect, to which is paid the main attention.

Key words: Russian syntax, three aspects of a sentence, a complex sentence, the technique of a complex sentence.

Моделирование как способ инвентаризации скреп русского языка

М.И. Конюшкевич,

доктор филологических наук, профессор,
независимый исследователь, г. Гродно, Белоруссия

E-mail: marikon9@mail.ru

В статье обосновывается моделирование как способ экспериментального образования скреп, т. е. союзов и изофункциональных союзов единиц, от предлога. На материале предлога *в глазах* показывается механизм образования скрепы, демонстрируются модели скреп, манифестируется полевая структура микрополя, сформированного полученными скрепами. Проведена верификация выводов исследования контекстами из Национального корпуса русского языка, доказывающая диагностическую силу моделирования для выявления степени грамматикализации предлога, для прогнозирования и инвентаризации скреп русского языка.

Ключевые слова: предлог, союз, скрепа, моделирование, грамматикализация.

В продолжение темы, начатой во втором номере данного журнала за 2022 г., — о межнациональном проекте по исследованию славянского предлога, инициированном и руководимом проф. МГУ М.В. Всеволодовой, см. [Всеволодова 2022], — необходимо сказать, что морфосинтаксическая концепция, в свете которой дается полипараметрическая атрибуция предлога, не просто плодотворна, но и позволяет представить максимально полный на данный момент массив единиц, тем самым значительно расширяя границы самой категории предлога и ее функционала. Диагностическая и объяснительная сила данной концепции проявляется и при экстраполяции ее на исследования категории союза, заставляя исследователя шире взглянуть на само понятие служебности и на массив тех средств, которые подпадают под это понятие. Не случайно многие служебные единицы, в силу своей неоднозначности не нашедшие места в грамматических и лексикографических описаниях, стали предметом пристального внимания научных коллективов Московского и других крупных университетов России — Челябинского, Белго-

родского, Новосибирского, Дальневосточного.

При всей плодотворности лингвистического портретирования отдельных лексем и групп служебной лексики, при всём новаторстве терминов, которыми наделяют свои объекты исследователи, будь то «предлоги с фразеологизированным значением» [Гальченко 2004], «фразеологические предлоги» и «фразеологические союзы» [Шиганова 2003], «отыменные релятивы» [Шереметьева 2008], во всех описаниях и описаниях лежит интенция исследователей отделить свой объект от «классических» предлогов и союзов, что можно понять, но есть основания и усомниться в целесообразности подобных стремлений.

Вектор исключения дробит на отдельные участки то, что неумолимо стремится объединиться (и объединяется!) в одно целое — в то или иное функционально-грамматическое поле (предлогов, союзов или связок), с его ядром, околядерными и обширными, но очень информативными периферийными зонами. Грамматический пуризм, исключая огромный массив продуктивных и употребительных

единиц из категориальных классов служебности, выхолащивает саму классификацию частей речи. Современная дискурсивная парадигма настоятельно требует грамматической толерантности с ее вектором **включения** таких грамматических конструкций (спасибо Ч. Филлмору за удачный интегральный термин) в функционально-грамматическое поле конкретной служебной категории (предлога, союза, связки) всех тех языковых фактов, которые проявляют функциональные признаки той или иной категории, но не соответствуют «прокрустову ложу» морфологии. На наш взгляд, теория грамматики конструкций, восходящая к идеям Ч. Филлмора, уже доказала необходимость подобной толерантности, и отрадно сознавать, что проект под руководством М.В. Всеволодовой своим выходом в морфосинтаксис и подходом к объективному состоянию современного языка шел в таком же направлении параллельно с теорией грамматики конструкций.

Полевый подход плодотворен для инвентаризации служебной лексики в любом языке, поскольку только полный инвентарь единиц конкретного класса позволяет увидеть облигаторные признаки класса и его границы. Без инвентаризации грамматические, а тем более лексикографические описания объекта останутся спорадическими и неполными. В пределах проекта имеются максимально полные на данный момент списки украинских [Загнітко и др. 2007], белорусских [Канюшкевіч 2008–2010], польских [Lachur 2019–2022] и солидная часть русских предлогов, хотя она охватывает только диапазон А–В [Всеволодова и др. 2018]; все они представляют обширную базу для более глубоких исследований.

Наш опыт участия в проекте при инвентаризации белорусских предлогов позволил экстраполировать его и на инвентаризацию белорусских союзов; первая часть реестра этих единиц опубликована [Канюшкевіч 2019]. Но это был эмпи-

рический путь создания списка, в котором позже обнаружили большие лакуны. Потребовались иные методы, чтобы увидеть ясную картину и огромный массив языковых единиц, существующих и функционирующих в белорусском и русском языках (думается, и в других языках) в качестве союзных средств. И здесь необходимо дать сжатое изложение предусловий, отраженных в наших предшествующих публикациях, чтобы читателю было комфортнее воспринимать основную часть нашей статьи.

В развитие идей М.В. Всеволодовой для инвентаризации союзных средств мы из полипараметрической атрибуции предлога взяли следующие параметры: 1) предлог + флексия субстантива = формант синтаксемы; 2) предлог коррелирует с союзом; 3) категория предлога имеет полевою структуру; 4) в пределах категории предлоги образуют парадигмы. Именно эти параметры играют важную роль и при инвентаризации союзов.

А в «союзном королевстве» далеко не всё благополучно, о чём могут свидетельствовать хотя бы два факта. Первый — разницей в подсчётах союзов авторитетными источниками. Сравн.: [Объяснительный ...словарь структурных слов... 2003] — 208 союзов; [Ефремова 2001] — 416; [Завьялов 2008] — 569; [Русская грамматика 1980] — 668, в т. ч. 576 союзов и аналогов союзов и 92 союзных слова (данные по [Черемисина, Колосова 1987: 136]); [Апресян, Пекелис 2012] — 162 (55 сочин. + 107 подчин.). Столь разительные расхождения в сотни единиц наводят на мысль об условности подсчетов средств союзного типа.

В самом деле, непонятно, почему в словарях наличествуют, например, союзы *с тем расчётом чтобы, с таким расчётом чтобы*, но нет *с тем расчётом что*; есть *в том духе что, в том плане что*, но нет *в духе того что, в плане того что*; есть *благодаря чему, в результате чего*, но нет *при условии чего, ради чего, мимо чего* и т. д.? И почему

только чего? А где *благодаря которому, в результате которой, при условии которых?*..

Факт второй: анализ дефиниций союза показывает, что его облигаторными признаками являются четыре: (1) союз связывает (2) единицы строения разной природы (конъюнкты), (3) формирует синтаксические единицы разных уровней построения речи, (4) выражает определенные отношения между конъюнктами. Другие два признака — однословность и фиксированная позиция — не являются облигаторными, ибо с их учетом союзов не окажется и сотни.

Однако под названные выше четыре признака подпадает великое множество средств, в основном аналитических, которые выполняют союзную функцию, но не нашли должного описания в грамматике и словарях. Включение их в категорию союза, пусть в иной терминологии — (функтив, союзное сочетание, коннектор, скрепа), — представляет собой плодотворный путь, обеспечивающий более полное представление о границах и функционале категории союза. В данной статье мы будем пользоваться в основном термином «скрепа» как более удобным и охватывающим все рассматриваемые в статье единицы, в необходимых случаях будут использоваться синонимичные «скрепе» термины «союзное средство», «союзное сочетание», а также «союзное слово» (применительно к единицам, за которыми такой статус закреплен грамматиками и словарями).

Перейдем к названным выше параметрам атрибуции предлога, принципиальным для задач инвентаризации союзов.

Опираясь термином «синтаксема», отметим, что он понимается нами более широко — не только как триединство категориального значения слова, его словоформы и ее синтаксической функции [Золотова 1988], но и как актантная позиция, в оформлении которой по отношению к другим членам предложения предлог и союз изофункциональны.

Актантная позиция обеспечивает целостность предложно-именной синтаксемы как единства «формант (предлог + флексия субстантива) + номинативный компонент (основа субстантива)».

Коррелирующая с предложно-именной синтаксемой предикативная синтаксема, реализуемая в сложном предложении, тоже имеет два компонента: 1) союзный формант, образуемый сочетанием «предлог + союзный блок типа *то, что, тот, кто* и др. показатели связи образца «Т-слово + К-слово», и 2) номинативный компонент в виде лексического наполнения придаточной части сложного предложения. Иначе говоря, номинативный компонент синтаксемы может быть выражен не только морфологической формой, но и предикативной единицей, однако это лишь разные способы «технического решения языкового воплощения полипропозитивной семантической структуры» [Шмелева 2010: 122], ибо «единица, формирующая форму слова, функционально релевантна и на уровне сложного предложения» [Всеволодова и др. 2014: 242]».

Конечно, «этот синтаксический потенциал предложных единиц... пока в нашей грамматике не проработан, а такой переход из одной части речи в другую есть фактор текста, с одной стороны, и решения коммуникативных задач, с другой» [Всеволодова и др. 2014: 241], но наши первые опыты преобразования именной синтаксемы в предикативную показали, что данный параметр действительно обладает диагностической силой для атрибуции предлога, что было выявлено на способности белорусского предлога *ад* коррелировать с союзными средствами при трансформации простого предложения в сложное [Конюшкевич 2013].

Здесь необходимо сделать оговорку о союзном блоке типа *то, что*, который «сопоставим с субстантивным суффиксом, а его склоняемый компонент *то* — с падежной формой существительного, кото-

рая ориентируется на доминирующее слово: *Я рад тому / раздосадован тем / жалею о том / помню о том, что собрание перенесли на среду* [Черемисина, Колосова 1987: 31]. Отсюда вытекает, что хотя элементы блока *то, что* четко разделены интонационно и пунктуационно, но линейно они связаны жестко: *то* всегда непосредственно предшествует союзу *что* [Черемисина 1982: 12]. Поддерживая мнение о том, что «показателем связи... считаем всю цепочку *то, что (то, чтобы; то, как)*, оценивая ее как одноместный показатель связи» [Черемисина, Колосова 1987: 147–148], мы разделяем и такой посыл, что скрепы могут образовать и прономинальные элементы: «Может быть, следовало бы выделить как особую и скрепу *то, к-*, например: *То, куда, откуда, к кому и зачем он пришел, осталось тайной*. Здесь компонент *то* соотносится с *К*-местоимением или *К*-местоименным наречием. Но свойства этого “семейства скреп” и отношений элементов внутри его еще ожидают исследования. Сейчас достаточно сказать, что **скрепу *то_р*, *что*** составным союзом мы не считаем, **она имеет особую, иную природу**» [Черемисина, Колосова 1987: 148]; выделено нами. — *М. К.*

Таким образом, у *то*, точнее — у *то₂*, которое является «полностью опустошенным» [Белошапкина 1977: 229], отмечено свойство быть формальной «флексией» придаточной части, «синтаксическим маркером» ее функции [Черемисина 1982: 6]. В то же время для преобразований имеет принципиальное значение и разграничение *то₁* и *то₂*, предложенное в свое время В.А. Белошапкиной, поскольку скрепы, образованные с помощью этих местоимений, различаются степенью грамматикализации и валентностью: опустошенное *то₂* с его субстантивной парадигмой усиливает грамматикализацию скрепы и сочетается с союзом, а *то₁* сочетается с союзным словом, которое, в свою очередь, тоже обладает своей парадигмой. Тем самым вариантов компоновок в блоке

«*T*-форма + *K*-форма» в скрепах с *то₁* будет во многом больше, чем в блоке с *то₂*, что относит такие скрепы в приядерные, а если *T*-слово представлено словоформами адъективного местоимения *тот*, то и в периферийные зоны.

Можно возразить, что компоновки (запятые опустим во избежание пестроты знаков) типа *тот — кто, тот — кого, тот — кому...*, или *тот — кем, того — кто, тому — кого...*, или *тому — который, тому — которому* и под. — это не целостные единицы, ибо они не воспроизводятся, а komponуются в процессе продуцирования речи. На это замечание можно ответить следующим образом.

Во-первых, зная количество словоформ в парадигме каждого из *T*-слов и *K*-слов, можно исчислить и количество возможных скреп; тем самым доказываемся исчислимость таких единиц, что свидетельствует о их категориальной природе. Так, в русском языке имеется **60** словоформ *T*-слов с учетом их субстантивных и адъективных парадигм. Если умножить **60** на количество первообразных предлогов (их **28**), то получим **1680** предложно-падежных словоформ *T*-слов. Однако с союзом *что* сочетается только *то₂*, имеющее **6** словоформ, каждая из которых сочетается лишь с одним предлогом. В итоге будет получено только **28** скреп типа *без того, что; от того, что; с тем, что; мимо того, что* и т. д. Верификация контекстами из НКРЯ показала, что употреблений со скрепой *с то, что* (в сравнит. значении, как в предложно-именной синтаксеме *величиной с яблоко*) не оказалось, и, видимо, такая предикативная скрепа русскому языку невозможна в принципе; единичными и стилистически маркированными оказались контексты со скрепами *у того, что; по то, что; под то, что*. Выявились и широкоупотребительные скрепы: *о том, что; при том, что; за то, что; к тому, что* (подробнее в [Конюшкевич 2021]). Естественно, что скреп с двумя прономинальными компонентами окажется гораздо больше,

но их количество тоже исчислимо, а употребительность так же избирательна.

Во-вторых, нельзя не признать, что каждая форма в словоформах *T*-слов и *K*-слов представляет собой отдельную грамему. Иначе говоря, даже при совпадении форм, например, родительного и винительного падежей в словоформе *кого*, каждая из словоформ по-своему будет определять структуру и содержание всего высказывания. Грамматика словоформ в их синтаксических связях всегда создает и определенный номинативный элемент. Для нас ведь не одно и то же: *муж подруги* или *подруга мужа*, точно так же не одно и то же *тот, кто и тот, кого* в высказывании. Представляется, что при инвентаризации скреп стоит определять и актантные позиции их элементов, т. е. *T*-слов и *K*-слов (в словаре белорусских скреп мы это указывали).

Примечание. Говоря об актантных позициях, мы различаем актантные позиции предложно-именной и предложно-союзно-предикативной синтаксем, с одной стороны, и актантные позиции элементов (соотносительных и союзных слов) скрепы — с другой, как позиции разных уровней: первые — в единице построения (в целом высказывании), вторые — в конъюнктах, т. е. единицах строения, не самостоятельных коммуникативно, семантически и синтаксически.

Наши опыты получения союзов из предлогов проводились разными методами: а) путем моделирования скреп из компонентов словоформ отдельных *T*-слов и *K*-слов (для доказательства исчислимости получаемых скреп) с последующей верификацией контекстами; б) путем преобразования предложно-падежных синтаксем с многозначными предлогами в предложно-союзные предикативные синтаксем с последующей верификацией контекстами. Процедуры и результаты получения союзных средств из предлогов отражены в наших публикациях, здесь же отметим некоторые из них, необходимые для дальнейших наших рассуждений.

Установлено, например, что каждому значению синтаксем с одним и тем же предлогом соответствует отдельное союзное средство и соответствующее диктальное содержание придаточной части. Так, высокий «союзобразующий» диапазон показывают предложно-падежные синтаксем с делиберативным значением — видимо, в силу того, что сложные предложения с изъяснительной придаточной частью выделяются из всех сложноподчиненных предложений своей категориальной разнородностью: авторизационная часть представляет гносеологический план, диктумная — онтологический. Отсюда неизменность элемента *о том* в авторизационной части и богатый инвентарь союзных средств в диктумной части. Например, делиберативная синтаксема в предложении *Иван говорил о Пушкине* в зависимости от коммуникативных интенций говорящего может быть преобразована в изъяснительную придаточную с разным диктумным содержанием, от которого зависит выбор союзного средства: 1) сообщение о теме события — союзное средство *о том, что*: *Иван говорил о том, что Пушкин великий поэт / Пушкина любят многие / Пушкин был убит на дуэли...*; 2) качественное значение диктума — союзное сочетание *о том, что* такое: *Иван говорил о том, что такое Пушкин для России*; 3) квалификативное значение диктума — союзное сочетание *о том, кто* такой: *Иван говорил о том, кто такой Пушкин*.

Для нас стало очевидным, что соотносительные слова и союзы / союзные слова в структуре сложного предложения представляют собой не два отдельных класса показателей связи (оставаясь такими в словаре и морфологии, т. е. вне движения и своих функций), а являются элементами одной аналитической скрепы, определяя и обеспечивая конструктивное решение техники вхождения предикативной единицы в высказывание вместо именной синтаксем, со всеми сопутствующими

структурными, семантическими и стилистическими сдвигами.

На количество скреп, на грамматические свойства и парадигмы *T*-слов и *K*-слов в скрепе, на их сочетаемость при образовании таких скреп оказывает влияние и левая валентность предлога, т. е. управляющее именной синтаксемой слово (в сложноподчиненном предложении — опорное слово главной части, значимость которого для скрепы в реестрах тоже следует выделять, хотя бы подчеркиванием).

Свойство предлога образовывать союзное средство отнюдь не означает, что абсолютно каждый предлог во всех своих значениях способен это сделать: в языке существуют запреты и разрешения на выбор показателя связи в процессе преобразования именной синтаксемы в предикативную. В отношении *к*, казалось бы, одинаковым в структурном отношении союзным средствам система предъявляет разные грамматические, семантические и стилистические требования.

Сегодня, когда имеются полные реестры предлогов с учетом характера синтаксем, можно последовательно осуществлять образование союзных средств от представленных в реестрах единиц, в том числе и от Реестра русских предлогов и предложных единиц, собранных участниками проекта [Всеволодова и др. 2018].

Данный Реестр охватывает предлоги в диапазоне А–В и, по нашим подсчетам, включает 1379 предложных единиц (только заглавных), хотя общее их число составляет около 4 тысяч, если учесть так называемые параметрические предложные единицы (корреляты, из которых в максимальной их полноте подан в Реестре только коррелят *величиной*), множество синонимов, по алфавиту выходящих за пределы диапазона А–В, а также повторяющиеся члены парадигм.

Корреляция предлога с союзом — очень важный параметр для атрибуции обоих служебных классов, и не только потому, что предлог служит деривационной

базой для образования союзов (здесь мы отвлекаемся от вопроса, что чему предшествует в реальности), а еще и потому, что возможность / невозможность образования союза / скрепы от той или иной словоформы в роли предлога порой действует как тест на степень грамматикализации полученного союзного средства.

В Реестре предложные единицы дифференцируются: предлоги, аналоги предлога, корреляты, а в п. 12 атрибуции указываются примеры корреляции некоторых предлогов и аналогов с союзами, например: *в зависимости от* чего — *в зависимости от того, что / как...* (с. 182). Но иногда этот параметр опускается, например, в отношении единиц *в ознаменование* чего (предлог; с. 245) и *в плане* чего (аналог; с. 277), хотя союзные модели от обеих одинаково возможны: *в ознаменование* чего — *в ознаменование того, что; в плане* чего — *в плане того, что*. НКРЯ дает контексты с обеими скрепами: *Однако в ознаменование того, что, по мнению рынков, речь президента была недостаточно убедительной, курс рубля, немного выросший в начале дня, снова опустился после того, как президент ответил на первые вопросы* [«Lenta.ru». 12.2014]. В следующем примере корреляция предлога и союза особенно красноречива: *После записи этой пленки я стал чуть ли не народным любимцем. Не в плане больших заслуг перед народом, а в плане того, что эти песни пришлись людям по сердцу* [А. Розенбаум. 1987–1998].

Для оформления предикативной синтаксемы требуется гораздо больше показателей связи, чем только блок *то, что*, рассмотренный в [Черемисина, Колосова 1987]; позицию *T*-слова могут занимать и субстантив *то,* и адъектив *тот,* под вопросом и другие местоимения, например *весь, все,* а функции *K*-слов — экспликаторов связи — выполняют не только союз *что,* но и другие союзы, а также союзные слова. Имея в распоряжении перечни предложных единиц, можно моделировать,

прогнозировать и анализировать механизмы и результаты союзообразования.

Данное суждение подтвердим анализом союзообразующего потенциала предлога *в глазах* кого, получившего полное описание наряду с другими восемью предлогами с лексемой *глаз / глаза́* в [Виноградова, Чекалина 2013]. Авторы статьи обосновали наличие предложных признаков у 9 единиц: *в глаза* кого, *в глаза* кому, *в глазах* кого, *глазами* кого, *глазом* кого, *на глаза* кого, *на глаза* кому, *на глазах* кого, *на глазах* у кого (и хотя последняя единица представлена авторами не отдельно, а как некий вариант предпоследней со скобочным *у*: *на глазах (у)* кого, образование скреп от нее оказалось продуктивным). В Реестр вошли предлоги только с начальным *в*, но зато предлог *в глаза* представлен как шесть отдельных единиц в зависимости от значений, обусловленных как валентностью управляющего предлогом глагола, так и валентностью самого предлога, управляющего родительным и дательным падежами. Регламент статьи продиктовал нам выбрать для моделирования скреп на основе однозначного предлога *в глазах* кого.

Теоретически ближайший круг скреп из любого отыменного предлога можно получить путем сочетания его с союзным словом придаточной части. Такие скрепы всегда постпозитивны по отношению к опорному имени в главной части, определяемому придаточной. Например, типовая модель с первообразным предлогом *о*: *Х, о ком / о чем / о котором / о которой / о которых / о каком...* Союзные слова, которые по данной модели могут быть употреблены с предлогом *в глазах*, следующие: *кто, что, который, которая, которое, которые, какой, какая, какое, какие, кой, коя, кое, кои, каковой, каковая, каковое, каковые, чьи*. Отметим, что **18** из них в функции союзного средства — субстантивы, которые для удобства и точности моделирования приводятся здесь пока только в своей исходной форме, форма

же *чьи* — адъектив, согласующийся в числе с субстантивом *глаза*, в функции предлога представленным другой словоформой.

Формы *кой, каковой* архаичны и стилистически маркированы, а формы *какой* как субстантивы употребляются только в южных диалектах русского языка, в художественной литературе мы фиксировали их в прозе М. Шолохова, М. Алексеева, В. Шукшина и др. Наречные союзные слова *где, куда, откуда, когда, как*, способные оформлять определительную придаточную часть, не могут быть управляемыми предлогом в принципе. Таким образом, гипотетически система русского языка допускает по данной модели образовывать **19** скреп: *в глазах кого / в глазах чего / в глазах которого (муж. р.) / в глазах какого (муж. р.) / в глазах какового (муж. р.) / в глазах коего (муж. р.) / в глазах которого (ср. р.) / в глазах какого (ср. р.) / в глазах какового (ср. р.) / в глазах коего (ср. р.) / в глазах которой / в глазах какой / в глазах каковой / в глазах коей / в глазах которых / в глазах каких / в глазах каковых / в глазах коих / в чьих глазах*.

Верификация контекстами показала наличие в НКРЯ речевых реализаций только **9** скреп данной модели:

(1) *Для фетишистов исторического процесса патологические клеточки общественного рака суть элементы столь же человеческого развития, как и здоровые клеточки общественных мышц и нервов. Но оно иначе **для того, в глазах кого** история имеет человеческий смысл: он знает, что те и другие суть одинаково необходимые следствия предшествующих процессов* [П. Лавров. 1869];

(2) *Конечно, можно рассуждать о не объективности и ангажированности этих рейтингов, но это ничего не меняет: именно через призму подобных международных сравнений нас воспринимает и будет воспринимать **мир, в глазах которого** мы находимся на одном уровне (по уровню коррупции) с Таджикистаном, Камбоджей, Папуа*

Новой Гвинеей, Конго и рядом других выдающихся экономик [«Новый день». 12.2010];

(3) *Благодарю великому предопределению, в глазах которого равны и князь и крестьянин, и староста и жид Янька* [В. На режный. 1814];

(4) *И вообще для москвича задонщина есть невозможность: Дон сопровождает долготу, меридиан Москвы, в глазах которой равноправны оба берега* [«Октябрь». 08.2005];

(5) *Это и исторические религиозно-просветительские связи, ведь в регионе проживает несколько миллионов православных, в глазах которых Москва занимает особое место* [«Труд». 09.2001];

(6) *Но таковы несообразности в каждом из нас, такое несогласие бывает между рассудком и наклонностями, что не отыщется человека, который бы более Крылова благоговел перед высоким чином или титулом, в глазах коего сиятельство или звезда имели бы более блеска* [Ф. Вигель. 1850–1860];

(7) *Вся Москва — ученая, благотворительная и купеческая, вся московская администрация, все пришли поклониться ее гробу и отдать последний долг этой необыкновенной старушке, в глазах коей светила живая, чуткая, отзывчивая душа* [В. Джунковский. 1911];

(8) *Есть, однако же, варвары, в глазах коих одна отважность предпринять создание эпопеи взвешивает уже всевозможные сонеты, триолеты, шарады и, может быть, баллады* [Ю. Тынянов. 1926];

(9) *Издательские дома скрывают процент возврата своих журналов, стремясь выглядеть (непонятно только, в чьих глазах) на все сто* [«Витрина читающей России». 08.2002].

Остальные **10** системных скреп остаются потенциальными (вполне возможно, что они уже где-то употреблены). Однако и с реализованными четырьмя скрепами количество контекстов тоже невелико. Пример (1) — единственный в НКРЯ для иллюстрации возможной скрепы *в глазах кого*, хотя здесь на самом деле скрепа иная —

для того, в глазах кого, в которой союзобразующим фактором является предлог *для* в сочетании с местоимением *тот*; просто в НКРЯ пока не нашлось точного к модели контекста (вернемся к ней позже). С натяжкой можно признать корректным и пример (7), единственный в НКРЯ, хотя, на наш взгляд, метафоризация предлога *в глазах* в нем ошутима. Количество контекстов с остальными скрепами не достигает и десятка. Заметим, что скрепа *в чьих глазах* вступает в двучленную семантическую парадигму с каждой из реализованных контекстами скреп данной модели.

Следующий круг теоретически возможных системных скреп образуется путем сочетания предлога со словоформами указательного местоимения *тот* в главной части, с которыми соединяются начальные словоформы союзных слов придаточной. Эти скрепы тоже исчислимы, поскольку количество союзных слов остается прежним, но они соединяются с четырьмя субстантивными местоимениями *тот, та, то, те*: *в глазах того* (муж. р.) / *в глазах того* (ср. р.), *в глазах той*, *в глазах тех*. Хотя простое умножение 22 на 4 логически дает 88 разных компоновок с учетом парадигм союзных слов, оно не корректно с грамматической точки зрения: между грамматическими значениями указательных и относительных местоимений требуется согласование. Если принимать во внимание только начальные формы союзных слов (кроме *чей*), то таких скреп мы получим **27**, в том числе **6** для муж. рода: *в глазах того, кто* / *в глазах того, что* / *в глазах того, который* / *в глазах того, какой* / *в глазах того, каковой* / *в глазах того, кой*; **5** для ср. р.: *в глазах того, что* / *в глазах того, которое* / *в глазах того, какое* / *в глазах того, каковое* / *в глазах того, кое*; **6** для ж. р.: *в глазах той, кто* / *в глазах той, что* / *в глазах той, которая* / *в глазах той, какая* / *в глазах той, каковая* / *в глазах той, коя*; **6** для мн. ч.: *в глазах тех, кто* / *в глазах тех, что* / *в глазах тех, которые* / *в глазах тех, какие* / *в глазах тех, каковые* / *в глазах*

тех, кои; 4 с элементом чей: тот, в чьих глазах; та, в чьих глазах; то, в чьих глазах; те, в чьих глазах.

Верификация контекстами (единичными или малочисленными) показала реализацию лишь семи скреп данной модели:

(10) *Ведь порой назначенец заботится прежде всего о том, как он выглядит в глазах того, кто его назначил: можно отчитаться цифрами, создать о себе впечатление более благоприятное...* [«Комс. правда». 06.2013];

(11) *Я не преувеличу, сказав, что понадобилось двадцать лет, чтобы в глазах того, что именуется «интеллигенция», «князь Волконский» превратился в «Сергея Михайловича»* [С. Волконский. 1923–1924];

(12) *Представьте себе хотя бы на один миг ту радость, которую вы прочтете в глазах той, которая так горячо вас любит* [Ф. Тютчев. 1903];

(13) *Увы, лекарства превратились в своего рода фетиш. Причем не только в глазах тех, кто лечится, но и в глазах тех, кто лечит* [«АиФ». 08.2005];

(14) *Мне бы не хотелось, чтобы Вы делали из себя посмешище в глазах тех, которые предлагают свой «оригинальный проект»* [В. Швец. 1974];

(15) *Но сии предложения не могут иначе иметь некоторую степень вероятности или правдоподобия, как в глазах тех, кои прибыль казенную не почитают никогда прибылью Государственной* [А. Радищев. 1792];

(16) *Мы все, и мальчики и девочки, до определенного какого-то момента в жизни — невнятные Золушки, которые топчутся в коридоре, не решаясь войти в жизнь по-настоящему. Пока не явится тот, в чьих глазах ты увидишь свое отражение и убедишься: да, я хороша, или хорош, и меня можно любить. И от такой встречи возникает вселенная* [«Комс. правда». 04.2013].

Потенциальными остались 20 скреп, клетки в системе языка для них имеются, как пустые клетки для элементов в таблице Менделеева, но заполнение их система позволяет, всё зависит, во-первых,

от речевой действительности, во-вторых, от степени семантического согласования элементов в самих скрепах, и в-третьих, от намерений говорящих в выборе скреп в коммуникации.

Еще один системно прогнозируемый круг скреп образуется по модели, сходной с предшествующей, но соотносительными элементами скреп выступают адъективные словоформы местоимения *тот*, согласующиеся с антецедентом-существительным, управляемым предлогом *в глазах*; союзные слова в начальной форме те же, что и в предшествующей модели скреп: **6** для муж. р.: *в глазах того..., кто / в глазах того..., что / в глазах того..., который / в глазах того..., какой / в глазах того..., каковой / в глазах того..., кой*; **5** для ср. р.: *в глазах того..., что / в глазах того..., которое / в глазах того..., какое / в глазах того..., каковое / в глазах того..., кое*; **6** для ж. р.: *в глазах той..., кто / в глазах той..., что / в глазах той..., которая / в глазах той..., какая / в глазах той..., каковая / в глазах той..., коя*; **6** для мн. ч.: *в глазах тех..., кто / в глазах тех..., что / в глазах тех..., которые / в глазах тех..., какие / в глазах тех..., каковые / в глазах тех..., кои*; **4** с элементом чей: *тот..., в чьих глазах; та..., в чьих глазах; то..., в чьих глазах; те..., в чьих глазах* — всего **27** скреп. Реализации контекстами:

(17) *И всё это перевесил в глазах нашего ведомства какой-то маскарадный костюм, в глазах того ультрапатриотического ведомства, которое даже теперь, в разгар войны с Германией, ухитрилось назначить нам в попечители фон Г-мана!* [Н. Шубкин. 1915];

(18) *Тот факт, что наша партия приняла активное участие в праздновании юбилея Шевченко и дала правильное принципиальное направление этому празднованию, поднял авторитет нашей партии в глазах тех рабочих и трудящихся и даже части интеллигенции, которые принимали близко к сердцу национальные моменты в жизни Украины* [Л. Каганович. 1991];

(19) Он стал откровенным шутком гороховым, который одними своими дурацкими заявлениями показывает, что «непримиримая оппозиция» есть «союз Меча и орала», а с другой стороны, сам факт его «соучастия» морально уничтожает «Другую Россию» даже **в глазах тех**, немногих в России **людей, кто ей сочувствует** [«РИА Новости». 05.2007];

(20) Но, **в глазах тех людей, кто стреляли в него, он, безусловно, был императором** [О. Севостьянова. 2003];

(21) Версия обвинения о заранее продуманных и организованных массовых беспорядках не выглядит убедительной **в глазах той части общества, которая** была представлена на Болотной площади 6 мая 2012 года [«Вести». 06.2013].

Только пять контекстов заполнили таблицу из 27 скреп, и те единичны в НКРЯ. Интроспективно, речениями их можно заполнить для подтверждения, что модель работает. Но в этом нет необходимости, поскольку все модели подтверждаются иными падежно-числовыми словоформами соотносительных и союзных слов в скрепах. С соотносительными словами, формы которых жестко детерминированы, контекстов меньше, но три контекста для предлога *в глазах* в НКРЯ обнаружены, четвертый — пример (1), с которого мы начали отсчет моделей: ... оно иначе **для того, в глазах кого** история имеет человеческий смысл...

(22) — Сохраните вашу жалость **для тех, Ненни, в чьих глазах** она имеет цену [М. Криницкий. 1916];

(23) И никому в тот раз в голову не пришло, какого же сам он мнения был **о тех, в чьих глазах** выслужиться хотел в качестве блюстителя гражданских добродетелей [Л. Леонов. 1950–1953];

(24) В отличие от авторитетности или влиятельности, харизма требует неременной публичности: прежде всего потому, что человек обретает харизму, обращаясь не к разуму, а к чувствам **тех, в чьих глазах** он из простого смертного превращается в про-

рока, властителя умов, обладателя истины [Р. Фрумкина. 2003].

Гораздо шире возможности союзных слов, представленных словоформами союзных слов в косвенных падежах — с предлогом или без него. Приведем все реализованные таким путем в НКРЯ скрепы с предлогом *в глазах*, сопроводив их список отдельными контекстами: *в глазах того, от кого / в глазах того, кем; в глазах той, которую; в глазах тех, для кого / в глазах тех, кого / в глазах тех, кому / в глазах тех, коим / в глазах тех, перед кем / в глазах тех, с кем / в глазах тех, у кого / в глазах тех, с которыми / в глазах тех, чье / в глазах тех, чьим; в глазах той, которую / в глазах тех..., которых / в глазах тех..., с которыми / в глазах того..., к которому / в глазах той..., для которой / в глазах той..., которую / в глазах той..., которые / в глазах той..., ради которой (21 скрепа). Контексты:*

(25) Главное — отличать чужую беспардонность от сознательного желания уронить ваш авторитет **в глазах тех, кого вы цените и уважаете** [«Известия». 12.2007];

(26) ...по некоторым его поступкам во время следствия его дела, кажется, он не совсем еще оправдан **в глазах тех, коим** известно каким образом он себя вел во время его содержания под стражею [Н. Озерецковский. 1782];

(27) А если так, то много ли стоили все наши обещания **в глазах тех, кому** мы дарили то, чем сами еще не владели крепко? [м. Вениамин (Федченков). 1940–1950];

(28) Мы сознательно или инстинктивно ищем признания **в глазах тех, чье** мнение особенно ценим [«Ведомости». 05.2007];

(29) Как хочется быть интеллигентной, не мелочиться и оставаться на высоте **в глазах тех, с кем** тебя свел ремонт [«АиФ». 05.2002];

(30) У него ум нейдет наравне с сердцем, вот он и виноват **в глазах тех, у кого** ум забежал слишком вперед, кто хочет взять везде только рассудком [И. Гончаров. 1847];

(31) *Поскольку даже небольшая ложь заставит вас придумывать всё новые небывлицы, чтобы сохранить свое лицо и не упасть в глазах тех, чьим мнением вы дорожите и на кого хотите произвести благоприятное впечатление* [«Известия». 07.2004];

(32) *Пусть-ка на своей шкуре прочувствует, каково быть смешным в глазах того, от кого зависишь* [П. Акимов. 2000];

(33) *И всё же в глазах той, которую старался наставить на путь истинный, Ханссен теперь видится человеком двойного стандарта* [«Труд-7». 05.2001];

(34) *Многие из благотворительности делают себе забаву, бьют на эффект и тем роняют свой престиж в глазах тех крестьян, которых хотят облагодетельствовать* [М. Казем-Бек. 1892];

(35) *Мы — лицо клуба в глазах тех людей, с которыми имеем дело* [«Пятое измерение». 2003];

(36) *Так ли уж это унижительно в глазах того общества, к которому принадлежит Ангелика?* [В. Кожевников. 1968];

(37) *И вот случился инцидент, где я как раз рисковал повредить себе в глазах той публики, какую я всегда имел в виду, и перед персоналом своих собратьев* [П. Бобрыкин. 1906–1913].

Технологически представленных типовых моделей достаточно для поиска всех их речевых реализаций, ибо НКРЯ дает контексты на каждую имеющуюся в корпусе скрепу. При отсутствии в корпусе запрашиваемой скрепы исследователь в случае необходимости может исчислить и отсутствующие в НКРЯ потенциальные скрепы, для чего он должен подсчитать компоновки *T*-словоформ со всей парадигмой словоформ каждого *K*-слова, причем как беспредложных, так и с предлогами (достаточно хотя бы 28 первообразных предлогов, это несложно). Тогда инвентарь скреп будет полным для всех трех типов моделей 1) *в глазах которого*; 2) *в глазах того, который / которого / которому / которым / о котором / без которого / от которого / к которому...* до 28 предложных

словоформ; 3) далее — с антецедентом-существительным *в глазах того...*, *которого / ... / в глазах того...к которому...* тоже до 28 словоформ союзного слова с предлогом. И так по каждому союзному слову.

Перечень скреп получится велик, точен, но не конечен. Мы имеем в виду предложные словоформы союзных слов с производными предлогами, которых, как известно, в реестрах оказалось несколько тысяч. Это не должно нас пугать, ибо скрепы, усложненные двумя аналитическими предлогами, едва ли будут сплошь освоены языковым коллективом хотя бы из-за семантической рассогласованности предлогов и структурной сложности самой скрепы. Но поиск таких раритетов и экзотов интересен; например, возможно *в глазах того, в духе которого, в глазах того, в зависимости от которого, в глазах того, по отношению к которому*, но нет **в глазах того, в дополнение к которому; *в глазах того, в русле которого...*

На этом развитие скреп не заканчивается: скрепы могут прирастать факкультативными элементами из частиц и местоимений или образовывать в высказывании сочинительные ряды; в НКРЯ обнаружены *в глазах тех же...*, *которые и; в глазах тех самых, коим; в глазах того самого...*, *который; в глазах того, кто... и кому:*

(38) *Но эти же выборы показали, что согласие контактировать с властью мгновенно обнуляет репутацию вполне приемлемого в прошлом кандидата и делает его врагом в глазах того самого потенциального электората, который хотели таким образом соблазнить* [«Ведомости». 08.2019];

(39) *Это не самое популярное издание, поэтому, как оно улучшит имидж, можно сказать заранее. Разве что только в глазах тех же чиновников, которые и пробили отдельную строку в бюджете для этого СМИ* [«Комс. правда». 02.2007];

(40) *Димосфен истинно велик только в глазах того, кто понимает, что такое народное правление, и кому известно тогдаш-*

нее политическое состояние Греции [«Вестник Европы». 1825].

Модель сохраняет свою структуру и тогда, когда дистанция между соотносительным и союзным элементами увеличивается за счет появления еще одного antecedента, в результате чего возникает дистрибуция синтаксической связи элементов скрепы с antecedентами (*в глазах той..., которое; в глазах той..., которые*), или когда в качестве antecedента выступает неличное имя (что, кстати, усиливает грамматикализацию предлога), обеспечивающее синтаксическую связь в скрепе и с наречными союзными словами, которые невозможны в исходной модели скрепы (*в глазах того..., куда*). В контекстах:

(41) *Таким образом, полагает Ермошина, эти кандидаты пытаются «оправдаться» перед теми, кто финансирует их избирательные кампании, а также в глазах той части международного сообщества, которое еще верит в авторитеты некоторых из них* [«Newsru.com». 12.2010];

(42) *Возвратившись в 1769 году во Францию, Бугенвиль написал книгу, в которой, рассуждая о природе открытий, сказал: «Я путешественник и моряк, то есть лгун и глупец в глазах той клики ленивых и надменных писак, которые в тиши своих кабинетов бесконечно философствуют о мире и его обитателях и упорно пытаются подчинить природу своим вымыслам* [«РИА Новости». 08.2006];

(43) *В присутствии этого священника, явно желавшего найти для себя и для других во всем идеальную линию равновесия, не следовало столь резко говорить об атеизме; в конце концов это могло повредить Мелику в глазах того круга, куда он так стремился попасть* [В. Кормер. 1987].

Мы позволили себе привести изобилие контекстов, руководствуясь следующими соображениями. Во-первых, множество фактов убеждает уже своим количеством. Во-вторых, каждый новый факт расширяет наше познание системы, которую по одному-двум фактам можно не раз-

глядеть и посчитать факт экзотичным исключением из правила (не так давно моя коллега по цеху утверждала: «И все-таки невозможно без насилия над языковым сознанием признать, что глазами — это предлог»). В-третьих, приведенные примеры демонстрируют еще и зоны функционально-грамматического микрополя, образуемого представленными моделями скреп, причем отчетливо видны две прядерные зоны (примеры 1–33) и периферия (34–43) данного поля.

Возникает вопрос: а где ядро этого микрополя? Его нет. И трудно сказать, появится ли оно в будущем. Этому препятствует отсоматическое происхождение предлога, которое не позволяет образовывать истинный союз с помощью *то₂*, которое в сочетании с союзом *что* обеспечивает целостность блока *то, что*, о чем писала М.И. Черемисина. Множество скреп, не попавших в поле внимания лексикографов, образованы из предлогов с ориентацией на этот блок и стали бесспорными союзами — *в духе того что* и *в том духе что*, *в плане того что* и *в том плане что*, *в знак того что*, *в защиту того что*, *в пользу того что*, *в рамках того что*, *в ключе того*, *в курсе того, что* и т. д. Отметим, что блок *то, что* (со всеми шестью словоформами *то₂* — беспредложными и предложными) ориентирован на коммуникацию, т. е. несет «ген» изъяснительности, поэтому его валентность в той или иной степени предполагает изъяснительную лексему [Чайковская 1989] в главной части, хотя далеко не все предложения с подобными скрепами можно назвать изъяснительными.

Подытоживая, подчеркнем, что служебные единицы языка прогнозируемы, исчислимы и поддаются инвентаризации. Они системны, обнаруживают признаки своей подсистемы языка, обладают семантической и стилистической гибкостью, пополняемы за счет знаменательной лексики, которая в процессе грамматикализации, оставаясь в границах своей части речи, передает некоторые признаки этой

части речи новой системе, в которой она функционирует на правах элемента служебной единицы. В качестве этих новых признаков можно назвать формирование парадигм предлогов, включая текстовые. Аналогичные парадигмы, по нашим наблюдениям, формируются и в системе союзов, что надо еще изучать. Представляется, что и модели скреп, образованных на основе предлога *в глазах* представляют собой своеобразную парадигму или несколько парадигм (в зависимости от их места в функционально-грамматическом поле союза).

Учет функций каждого из элементов союзного форманта в соответствии со значением и характером синтаксем требует инвентаризации всех скреп в целом, что, конечно, выходит за пределы инвентаря классических союзов в традиционном их понимании. Но максимально полные реестры таких средств послужили бы благодатным исследовательским полигоном для выявления коммуникативных предпочтений говорящих в выборе необходимого способа выражения синтаксем, а также для установления запретов и разрешений на тот или иной способ.

Литература

1. Апресян Ю.Д., Пекелис О.Е. Союз. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2012.
2. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая школа, 1977.
3. Виноградова Е.Н., Чекалина В.Л. Такие разные глаза... Предложные единицы, включающие лексику *глаз/глаза* (зарисовки на материале славянских языков) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. / Ред. кол. М.Л. Ремнёва, Е.Л. Бархударова и др. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 47. С. 103–122.
4. Всеволодова М.В. Проект «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис (русский язык)» // Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература. № 2. 2022. С. 4–17.
5. Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 2: Реестр русских предложных единиц: А — В (объективная грамматика) М.: УРСС, 2018.
6. Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа: материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Книга 1. Введение в объективную грамматику и лексику графию русских предложных единиц. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014.
7. Гальченко Е.В. Употребление предлогов с фразеологизированным значением в языке современной прессы: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2004.
8. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Русский язык, 2001.
9. Завьялов В.Н. Морфологические и синтаксические аспекты описания структуры русских союзов: монография. Хабаровск: ДВГГУ, 2008.
10. Загнітко А.П., Данилюк І.Г., Ситар Г.В., Шукіна І.А. Словник українських прийменників. Сучасна українська мова. Донецьк: ТОВ ВКФ «БАО», 2007.
11. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988.
12. Канюшкевіч М.І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 ч. Гродна: ГрДУ, 2008–2010.
13. Канюшкевіч М.І. Беларускія злучнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. Ч. 1. Дыяпазон А–З. Гродна: ГрДУ, 2019.

14. Конюшкевич М.И. Корреляция предложной и союзной единиц в выражении полипропозитивной семантической структуры // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. ст. / Ред. кол.: М.Л. Ремнева, Е.Л. Бархударова и др. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 47. С. 285–300.
15. Конюшкевич М.И. Исчислимость показателей синтаксической связи как фактор их категориальности в системе языка // Лінгвістичні студії : зб. наук. праць / Донецький нац. ун-т імені Василя Стуса; гол. ред. Ж. Краснобаева-Чорна. Вінниця: ДонНУ, 2021. Вип. 41. С. 92–105.
16. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / под ред. В.В. Морковкина. М.: ООО «Изд-во «Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2003.
17. Русская грамматика. М.: Наука, 1980.
18. Чайковская Н.Н. Способы выражения изъяснительных отношений в современном русском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Усть-Каменогорск, 1989.
19. Черемисина М.И. Об изъяснительной конструкции с факультативным управляемым местоимением «ТО» // Функциональный анализ синтаксических структур: сб. науч. тр. Иркутск: изд-во Иркутского ун-та, 1982. С. 3–21.
20. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987.
21. Шереметьева Е.С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды: монография. Владивосток: изд-во Дальневост. ун-та, 2008.
22. Шиганова Г.А. Релятивные фразеологизмы русского языка. Челябинск: изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2003.
23. Шмелева Т.В. Техника сложного предложения // Лингвистические идеи В.А. Белашапковой и их воплощение в современной русистике. Колл. монография. Тюмень: Мандр и К^a, 2010. С. 116–133.
24. Lachur Cz. Polskie przyimki wtórne i jednostki o funkcji przyimkowej w użyciu realnym. Materiały do słownika (w zestawieniu z językiem rosyjskim). T. 1–4. Kępa, 2019–2022.

Modeling as a way of making an inventory of Russian language staples

M.I. Konyushkevich,

Doctor of Philology, Full Professor,
Independent Researcher, Grodno, Belarus
E-mail: marikon9@mail.ru

The paper substantiates modelling as a way to experimentally form staples, i.e. conjunctions and isofunctional conjunctive units, from a preposition. Using the material of the preposition *v glazah*, the mechanism of staple formation is shown, models of staples are demonstrated, and the field structure of the microfield formed by the received staples has been manifested. The verification with contexts from the Russian National Corpus has been carried out, proving the diagnostic power of modelling to reveal the degree of grammaticalisation of the preposition, to predict and inventory of the Russian language staples.

Key words: preposition, conjunction, staple, modelling, grammaticalization.

DOI: 10.18572/2687-0339-2023-1-22-31

Лексико-семантическая группа «Камни Петербурга» (гранит, мрамор, пудостский камень): функционирование компаративных тропов

Д.А. Щукина,

доктор филологических наук, профессор, профессор
Санкт-Петербургский горный университет
E-mail: dshukina@yandex.ru

Н.А. Иванова,

аспирант
Санкт-Петербургский горный университет
E-mail: nadyahell@yandex.ru

Исследуется лексико-семантическая группа «Камни Петербурга» и её подгруппы «гранит», «мрамор» и «пудостский камень». Рассматриваются контексты употребления данных лексем. Цель работы — рассмотреть и описать особенности функционирования подгрупп компаративных тропов лексико-семантической группы «камни Петербурга». В работе используются методы корпусного анализа и семантического поля, которые наиболее детально позволяют описать семантику изучаемых лексем. Материалом исследования лексем «гранит» и «мрамор» послужил основной подкорпус НКРЯ, а также интернет-ресурсы. Лексико-семантическая группа «Камни Петербурга» не представлена как отдельная ни в одном идеографическом словаре, однако есть основания выделять петербургские камни в обособленную группу. В работе рассматриваются две подгруппы компаративных тропов, в которых анализируемые лексемы использованы в их денотативном значении: «Сравнения» и «Метафорические прилагательные». Делается вывод об отображении физических свойств камней в метафорических выражениях, что создает условия для возникновения ассоциативного ряда у носителей языка. При этом метафорические прилагательные добавляют лексемам ряд коннотативных значений.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, лексико-семантическое поле, корпусный анализ, компаративные тропы, метод семантического поля.

Введение. В работе рассматривается лексико-семантическая группа (ЛСГ) «Камни Петербурга», входящая в состав лексико-семантического поля (ЛСП) «Камни» согласно универсальному идеографическому словарю Л.Г. Бабенко [Большой толковый словарь русских существительных 2005]. Источником для отбора лексем послужил труд А.Г. Буллаха и И.Э. Воеводского «Порфир и мрамор, и гранит...» [Буллах, Воеводский 2007].

В настоящей работе ЛСГ «Камни Петербурга» представлена лексико-семантическими подгруппами: «Гранит», «Мрамор» и «Пудостский камень».

Обращение к теме обусловлено культурологическими факторами, а именно важной ролью камня в формировании городского ландшафта Санкт-Петербурга (дворцы, мосты, набережные, памятники). Петербург стал первым городом в России, где указом императора Петра I

было регламентировано строительство только в камне, деревянное зодчество было запрещено. Русский царь назвал новую столицу в честь святого Петра. Имя «Пётр» с древнегреческого переводится как «камень». Большинство зданий, набережных, скульптурных групп в Петербурге создано именно из гранита, мрамора и пудостского камня. Многие из них сформировали образ города, например, гранитные набережные, гранитные Атланты у Нового Эрмитажа; выполненные из пудостского камня колонны Казанского собора, скульптурные группы вокруг Ростральных колонн, внешнее и внутреннее убранство Гатчинского дворца; Мраморный дворец, мраморная облицовка Исаакиевского собора, мраморные скульптуры в Летнем саду.

Северо-западный гранит с Карельского перешейка, используемый при сооружении зданий и памятников, был подробно описан в работах А.Г. Богатырёвой, А.Я. Тутаковой. Отмечено, что гранит используется в качестве декоративного элемента при облицовке зданий и в наши дни [Тутакова 2003: 39].

Оценка состояния гранитов и мраморов в городских памятниках Санкт-Петербурга была подробно изучена в коллективной монографии учёных СПбГУ и СПГУ [Буллах и др. 2007] и коллективной статье преподавателей и студентов Горного университета [Франк-Каменецкая и др. 2004: 132]. Пьедестал одного из главных символов Петербурга, памятника основателю города — Петру I, «Медного Всадника», выполнен из знаменитого гранита «Гром-камень». Полная геологическая документация этого гранита была проведена в 2017 г. российским Минералогическим обществом [Буллах и др. 2017].

Использование добываемых в Петербурге камней в декоративном искусстве подробно описано в статье Н.В. Боровковой: «камни создают художественный образ произведения искусства» [Боровкова 2013: 73].

Таким образом, существует значительное количество исследований, посвященных описанию материалов, используемых при строительстве Петербурга, а также работ, рассматривающих петербургский текст в русской литературе, в которых анализируются «субстратные элементы» природной сферы: климатическо-метеорологической (дождь, наводнение и др.), ландшафтной (вода, суша) и материально-культурной сферы (планировка, дома, улицы) [Топоров 2003: 29–30], что свидетельствует об актуальности данной темы. Однако нет специальных работ по функционированию метафор с компонентом «гранит», «мрамор», «пудостский камень» в петербургском контексте.

Цель статьи — описать особенности подгрупп компаративных тропов ЛСГ «Камни Петербурга» в русском языке как фрагмента ЛСП «Камни».

Актуальность исследования заключается в анализе семантики единиц, формирующих ЛСП «Камни», а также в их раскрытии с точки зрения культурологического подхода. В каждом архитектурном сооружении содержится историко-культурная информация. Используемые при строительстве камни придают им художественную оформленность.

Методика исследования. Исследование выполнено методом корпусного анализа на материале текстов Национального корпуса русского языка (НКРЯ), который представляет широкую выборку материалов на базе конкретного поиска (поэтический, акцентологический, мультимедийный). Использование НКРЯ также даёт возможность определять частотность употребления тех или иных лексем в конкретный исторический период. Кроме того, в работе применяется метод семантического поля, при помощи которого лексические единицы представляются как целостная система. Данные методы являются одними из главенствующих

в отечественной и зарубежной лингвистике [Степанова 2021; Потапова 2018; Dobrić 2018]. Благодаря «сочетанию традиционных методов с методами корпусной лингвистики повышается качество анализа текста» [Райскина, Дубнякова 2015: 146].

Лексико-семантическое поле и лексико-семантическая группа. Интерес ученых к изучению семантических полей возник в конце XIX – начале XX вв., что нашло отражение в близких к идеям В.Ф. Гумбольдта работах А.А. Потебни, М.М. Покровского, Р. Мейера и др. В трудах В.Ф. Гумбольдта выражается глубинная связь языка и человеческого мышления, в результате которой формируется языковая картина мира. Причем в каждом языке существуют «особые семантические объекты, несущие информацию о важнейших принципах устройства языковой системы и деятельности познающего сознания» [Атаева 2011: 48]. Однако до сих пор современная лингвистика не может прийти к однозначному определению лексико-семантического поля. Понятие «поле» используется в лексикологии, в грамматике, во фразеологии, в лингвокультурологии. Это обусловлено тем, что поле «объединяет в иерархическую систему единицы, имеющие общее значение» [Кузнецов 2005: 33].

По мнению И.В. Арнольд, термин «поле» для всех типов полей может быть применим потому, что в них «какая-то область человеческого опыта охватывается определённой совокупностью содержательных единиц языка» [Арнольд 1991: 124]. При этом, несмотря на различия, все подсистемы обладают полевой структурой.

Г.С. Щур также не дал однозначного определения ЛСП, полагая, что термин «поле» не даёт возможности вывести некое универсальное определение и понять, «какое содержание тот или иной автор вкладывает в этот термин, можно лишь эмпирически» [Щур 1974: 21].

Ю.Н. Караулов, рассматривая различные подходы к анализу понятия поля, приходит к выводу, что невозможность однозначного и чёткого определения границ поля связана с тем, что у него есть особая природа отражения действительности (в противоположность слову, являющемуся единицей выражения) [Караулов 1976: 275].

В зависимости от того или иного подхода к языковому явлению, принято выделять разные типы полей, причём основными подходами считаются парадигматический, связываемый с именами Й. Трира и Л. Вайсгербера, и синтагматический, или синтаксический, связываемый с исследованиями В. Порцига.

ЛСП делятся на более мелкие составляющие — ЛСГ. Некоторые учёные называют их тематическими группами (Ф.П. Филин; В.М. Васильев; О.С. Ахманова), микрополями (Л.А. Новиков; А.В. Бакулев), семантическими классами (Н.А. Фатеева; З.Ю. Петрова). В исследовании используется понятие «лексико-семантическая группа», которая делится на «лексико-семантические подгруппы».

В работе под ЛСП вслед за Б.Ю. Городецким понимается «совокупность семантических единиц, имеющих фиксированное сходство в каком-нибудь семантическом слое и связанных специфическими семантическими отношениями» [Городецкий 1969: 173]. Внутри ЛСП выделяют ЛСГ, образующие «относительно замкнутый ряд лексических единиц одной части речи, объединённых общей семой более конкретного содержания и более низкого порядка» [Новиков 2001: 11].

Результаты исследования и обсуждение результатов. В словаре Л.Г. Бабенко выделено ЛСП «Камни», которое весьма обширно в русском языке. Оно включает в себя, согласно разным идеографическим словарям, более 30 ЛСГ. В современной лингвистике существует большое количество работ, посвящённых исследованию

функционирования лексем, содержащих компонент «камень», «каменный», номинации разных видов камней и металлов [Потапова 2016; Степанова 2019; Ахманова 1966; Фатеева 2019]. Н.А. Потапова, исследовавшая паремии с компонентом «камень», отмечает, что поговорки становятся всё более частотными в связи с использованием народных изречений авторами художественных произведений и современными носителями языка» [Потапова 2018: 135].

Н.А. Фатеева и З.Ю. Петрова рассматривают функционирование ЛСП «Камни», «Металлы» на материале Поэтического подкорпуса НКРЯ. Исследователи выделяют широкое использование компаративных тропов в рассматриваемых ЛСП [Фатеева, Петрова 2019: 297]. Это исследование было выполнено в рамках продолжения работы над лексикографическим словарем метафор русской литературы XIX–XX вв., один из выпусков которого посвящен камням и металлам.

В нашей работе предметом анализа являются лексические единицы, называющие камни Петербурга. Выделена ЛСГ «Камни Петербурга», которая отсутствует в идеографических словарях. Описаны её лексико-семантические подгруппы «Гранит», «Мрамор», «Пудостский камень».

Определения гранита, мрамора, пудостского камня и порфира в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой звучат следующим образом:

Гранит — «твёрдая горная зернистая порода, состоящая в основном из кварца, полевого шпата и слюды» [Ожегов, Шведова 2000: 143].

Мрамор — «твёрдый и блестящий, обычно с красивым узором камень известковой породы, употр. преимущ. для скульптурных и архитектурных работ» [Ожегов, Шведова 2000: 368].

Определение «пудостского камня» в словаре отсутствует, однако известно, что пудостский камень также называют «туфом», значение лексемы «*туф*»: «горная

порода вулканического или осадочного происхождения, употр. как строительный материал» [Ожегов, Шведова 2000: 817].

Определение пудостского камня из статьи А.Г. Буллаха, доктора геолого-минералогических наук и автора множества публикаций о камнях Петербурга: «известковый туф из-под села Пудость, что возле Гатчины, ярко-желтый камень пористого сложения, легко поддается резцу скульпторов и стал их излюбленным материалом» [Буллах 2019: 17].

Название пудостского камня образовано от топонима; некоторые виды гранита и мрамора также названы по своему месторождению (сердобольский гранит, рускеальский мрамор).

Определения из геологического словаря под ред. А.М. Криштофович:

«*Гранит* (*granum* — зерно) — групповое название для полнокристаллических равномернозернистых или порфировидных пород, состоящих из кварца и существенно преобладающего полевого шпата, в значительной мере щёлочного, с подчинённым содержанием (до 10–15%) цветных металлов, среди которых чаще присутствуют биотит, мусковит, роговая обманка и реже пироксен» [Криштофович 1978: 188].

«*Мрамор* — мелко-, средне- и крупнозернистая карбонатная порода гранобластовой структуры, состоящая главным образом из кальцита и представляющая собой перекристаллизованный известняк» [Криштофович 1978: 484].

Таким образом, в определениях из толкового словаря фиксируется общее представление о камнях в сознании носителя русского языка, соотносимое с лексическим значением слова, в то время как в геологическом словаре определения представлены как терминологические понятия, требующие детализации.

Следующим исследовательским шагом является определение частотности анализируемых единиц методом корпусного анализа.

Данные о частотности употребления лексем «гранит», «мрамор» и «пудостский камень» в НКРЯ приведены в таблице:

Таблица 1

Частотность употребления лексем «гранит», «мрамор», «пудостский камень» в основном подкорпусе НКРЯ

	Количество документов	Число вхождений
Гранит	502	715
Мрамор	676	1042
Пудостский камень	1	1

Так, согласно данным в приведённой таблице, лексема «мрамор» является наиболее употребительной. Лексема «пудостский камень» употребляется в корпусе только один раз в варианте «пудожский камень», поэтому в данном исследовании мы обратимся к научно-информационной литературе: материалам с сайта центра петербурговедения при библиотеке В.В. Маяковского и интернет-ресурсам. На основании результатов направленной выборки НКРЯ было выявлено, что использование лексемы «гранит» характерно для контекстов, составляющих петербургский текст.

Согласно корпусному анализу, данные лексемы употребляются в следующих контекстах:

– научный контекст (описание камней как строительного материала в текстах по геологии, в справочной литературе): *Сенсационность этой информации выражалась в том, что добытые с крутых склонов этих плато образцы пород содержали **гранит**, гнейс и песчаник с окаменелостями, а не типичный для океанического типа коры базальт* (М. Любимов, 2012);

– петербургский контекст (научно-справочная литература, например, краеведческая, художественные тексты о Петербурге): *В кованных фонарях — под пе-*

*тербургский Летний сад — были всегда ввинчены лампочки. **Гранит** был вымыт, **мрамор** сиял. Широкие, низкие скамьи покоем окаймляли бронзовые бюсты...* (А. Мишарин, 2003);

*В Петербурге **пудожский камень** оказался не более понятлив, чем куоккальский песок: не закружилась кровавой каруселью вокруг Александрийского столпа Дворцовая площадь, не побрели вереницей на выручку распятому Адмиралтейству слоноподобные колонны Томоновой биржи* (Б.К. Лившиц, 1933);

– художественный контекст: *Он хлопнул дверцей своего обшарпанного ситрое-на так, что благородный **мрамор** вокруг вздрогнул* (М. Каминарская, 2002).

В приведённых контекстах лексемы употребляются в своём первом денотативном значении, то есть в прямом значении — «камень».

В НКРЯ выделяется группа компаративных тропов, где объект сравнивается с описываемыми камнями или наоборот. Было выделено 56 сравнений с мрамором и 35 с гранитом. Компаративных тропов с пудостским камнем обнаружено не было; этот камень, добываемый только в Петербурге, сам является объектом сравнения (камень-хамелеон, камень-беда).

В рамках исследования ЛСГ по принципу, использованному в словаре метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. [Кожевникова, Петрова 2018], были отобраны компаративные тропы: «Сравнения» и «Метафорические прилагательные», выделенные в НКРЯ. В работе приводятся примеры наиболее частотных употреблений.

- Сравнения
- Без вербализации основания

– как гранит: *Русский солдат в «Войне и мире» стоит перед французскими пушками **как гранит*** (Митрополит Вениамин (Федченков), 1940–1950);

– как гранит набережной: *В полусотне шагов от себя он видел солдат, закрывая вход на мост, они стояли стеною, **как гра-***

нит набережной, головы их с белыми полосками на лбах были однообразно стесаны, между головами торчали длинные гвозди штыков (М. Горький, 1928);

— как гранит бросается на волну: *И они бросились в объятия друг друга, как гранит бросается на волну...* (А. Даутов, 2003);

— как мрамор: *Зарезов стоит, как мрамор, как оледенелый мертвец* (В.В. Виноградов, 1920–1929).

• Основание сравнения — прилагательное

— крепкий, как гранит: *Там уже находился кочегар Криворотов, парень квадратного вида и крепкого, как гранит, телосложения, с тупым лицом и телячьими глазами* (А.С. Новиков-Прибой, 1914);

— твёрдый, как гранит: *Во-вторых, он долженствовал бы иметь твёрдый, как гранит, характер, а в этой гранитной обертке — мягкую и нежную душу* (Ф.В. Булгарин, 1841);

— прочный, как гранит;

— стойкий, как гранит;

— надёжный, как гранит;

— неприступный, как гранит;

— плоский, словно лицо Платона, гранит;

— голый, как гранит;

— белый, как мрамор: *Ермаков был в шлеме, и Быков не видел его лица, но он видел сжатые в кулаки руки, лежащие на панели управления, и знал, что под силикатовой тканью стиснутые пальцы холодны и белы, как мрамор* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, 1952–1957);

— холодный, как мрамор: *Лоб был холоден, как мрамор* (сравнила бы Ираида Курочкина, если б знала, что такое прохлада мрамора, но мрамор не встречался в жизни ее) (А. Слаповский, 1998);

— бесчувственный, как мрамор;

— жемчужно-белый, как мрамор;

— розовый, как мрамор;

— пестрый, как мрамор;

— гладкий, как мрамор;

— твердый, как мрамор;

— блестящий, как мрамор

— плотный, как мрамор;

— неподвижный, как мрамор;

— изборожденный, как мрамор;

— хрупкий, как мрамор;

— зернистый, как мрамор;

— прозрачный, как мрамор.

Частотность употребления компаративных тропов с лексемами «гранит» и «мрамор», в которых основанием служит прилагательное, приведена в следующей таблице. Сравнений с пудостским камнем не было обнаружено — предположительно, так как номинация «пудостский камень» относится к местному природному материалу (добывался только в посёлке Пудость недалеко от Санкт-Петербурга). В таблицах 2 и 3 представлены только самые распространенные устойчивые сравнения, окказиональные включены не были.

Таким образом, наиболее частотным сравнением является «твёрдый, как гранит» (17 употреблений) и «белый / бледный, как мрамор» (56 употреблений).

• Основание сравнения — глагол

— застыть, как мрамор: *Маша, сидящая у деда на груди, постаралась, чтобы клей застыл, как мрамор* (Л. Петрушевская, 1996);

— лосниться, как мрамор: *Развалины моста: один эллипсоидный устой по середине реки один квадратный на левом берегу; один, с аркой, на скале из мелкого песчаника и из того же песчаника вся постройка (камень этот годен для точильных брусков), с крепким цементом, получившим полировку от действия воды и лоснится как мрамор* (Е.И. Чириков, 1849–1852) [орфография и пунктуация сохранены].

• Сравнения-приложения

— камень-хамелеон, камень-пластилин (пудостский камень)¹;

— камень-беда (пудостский камень)².

¹ [URL: https://saint-petersburg.ru/m/kak_eto_sdelano/emtsov/371418/] (дата обращения: 13.05.2021)

² [URL: <http://mirpeterburga.ru/upload/iblock/1b9/1b90bbf0e2d8c2fe8186c4cf76ca0b14.pdf>] (дата обращения: 13.05.2021)

Таблица 2

Классификация объектов, сравниваемых с гранитом

как гранит	люди/черты характера	части тела	предметы	природные объекты	абстрактные понятия	географические объекты
твёрдый	3	3	6	1	2	2
крепкий	3		1		4	

Таблица 3

Классификация объектов, сравниваемых с мрамором

как мрамор	люди/черты характера	части тела	предметы	природные объекты	абстрактные понятия	географические объекты
белый/бледный	7	42	4	2	1	
холодный	10	13			1	
гладкий		3		1		
твёрдый		2		2		
неподвижный	1	2				
блестящий				2		

- Метафорические прилагательные — государственный гранит: *Но в то время, о котором я рассказываю, Кириленко был на вершине власти, весь государственный гранит, вся эта мощная пирамида — под ним: член политбюро, третье по значимости лицо в партии* (Г.Я. Бакланов, 1999);
  - живописный пудостский камень: *Живописный пудостский камень — как будто плавящийся, в нежных потеках*³;
  - суровый пудостский камень: *Суровый пудожский камень во многом способствовал, с одной стороны, приданию монументальной торжественности наружному облику дворца, а с другой — чувству защищенности у его хозяев*⁴.

Значения проанализированных единиц связаны с физическими свойствами камней. У гранита — твёрдость, крепость,

прочность, у мрамора — белый цвет, холодность, гладкость, твёрдость, блеск. Все сравнительные обороты организованы при помощи союза «как».

Наиболее распространёнными выражениями в корпусе являются «твёрдый, как гранит» (17 употреблений), «крепкий, как гранит» (7 употреблений), «белый, как мрамор» (56 употреблений), «холодный, как мрамор» (24 употребления). Другие сравнения в основном являются окказиональными, например, *бесчувственный, как мрамор; стойкий, как гранит*, что свидетельствует о самостоятельности анализируемых лексем и увеличении их валентности.

Сравнения с гранитом чаще описывают черты характера человека (10 из 35, 28%). Сравнения с мрамором используются для описания частей тела (67 из 112, 59%).

Заключение. Лексемы «гранит», «мрамор» и «пудостский камень» широко представлены в петербургских контекстах, так как гранит, мрамор и пудостский камень

³ [URL: <http://mr7.ru/articles/143758/>] (дата обращения: 13.05.2021)

⁴ [URL: <https://www.tarispb.ru/blog/cnt/gatchinskiy-dvorec-ekskursii-v-gatchinu-iz-sankt-peterburgachast>] (дата обращения: 13.05.2021)

были использованы в качестве строительных материалов при создании города и сформировали его архитектурный облик. Поэтому они входят в ЛСГ «Камни Петербурга».

Лексемы «гранит», «мрамор» и «пудостский камень» употребляются в петербургском тексте, включающем в себя научные, художественные и публицистические тексты.

Лексемы «гранит» и «мрамор» являются более употребительными, чем пудостский камень. У пудостского камня нет переносных значений. «Гранит» и «мрамор»

в денотативном значении отражают физические свойства: цвет, твёрдость, крепость. Наиболее характерные свойства получают развитие в устойчивых словосочетаниях, в компаративных тропах (крепкий, как гранит; белый, как мрамор). Эти словосочетания могут создавать основу для формирования определенного ассоциативного ряда.

Некоторые определения выступают в качестве метафорических прилагательных, создавая яркие коннотативные характеристики (государственный гранит, суровый пудостский камень).

Литература

1. Арнольд И.В. Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1991. № 3. С. 118–126.
2. Атаева (Корнилова) Е.В. Лингвофилософская проблема тождеств и различий: опыт функционально-семантического анализа служебных слов современного русского языка // Записки Горного института. Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе. Т. 193. СПб.: Санкт-Петербургский горный университет, 2011. № 6. С. 48–51.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 334 с.
4. Ахматова М.А. Концепт Таш «Камень» в карачаево-балкарской языковой картине мира // Сибирский филологический журнал. Новосибирск [и др.]: Издательско-полиграфический центр НГУ, 2021. № 1. С. 239–251.
5. Богатырева А.Г. Гранитный венец Петербурга // Записки Горного Института. Т. 152. СПб.: Санкт-Петербургский горный университет, 2002. С. 21–22.
6. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005; 2008. 864 с.
7. Боровкова Н.В. Роль и значение имманентных свойств природного декоративного камня в создании художественного образа произведений искусства // Научное мнение. СПб.: Санкт-Петербургский университетский консорциум, 2013. № 9. С. 73–79.
8. Буллах А.Г. Цвета и рисунки природного камня: старое и новое в Санкт-Петербурге // История Петербурга. СПб.: Урал-Пресс, 2019. № 3. С. 12–21.
9. Буллах А.Г., Власов А.Д., Власов Д.Ю., Зеленская М.С., Луодес Х., Маругин В.М., Панова Е.Г., Попова Т.А., Тутакова А.Я. Оценка состояния гранита в памятниках архитектуры. СПб: Наука, 2015. 190 с.
10. Буллах А.Г., Воеводский И.Э. «Порфир и мрамор, и гранит...» / Каменное убранство Петербурга. Книга седьмая. СПб.: ЭКЛЕКТИКА, 2007. 160 с.
11. Буллах А.Г., Попов Г.Н., Янсон С.Ю., Гавриленко В.В., Иванов М.А., Платонова Н.В. Минеральный состав и архитектоника пьедестала «Медного Всадника» в Санкт-Петербурге // Записки Российского Минералогического общества. Т. 146. СПб.: Пангея, 2017. № 6. С. 111–125.

12. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1971. № 5. С. 105–113.
13. Воробьев В.В. К понятию поля в лингвокультурологии (Общие принципы) // Русский язык за рубежом. 1991. М.: Институт Пушкина, № 5. С. 101–106.
14. Геологический словарь / под ред. Криштофович А.М. В 2 т. Т. 1. М.: Недра, 1978. 486 с.
15. Городецкий Б.Ю. К проблеме семантической типологии. М.: Издательство Московского университета, 1969. 564 с.
16. Из чего сделан Петербург: что такое пудостский камень и где его найти: [сайт]. URL: https://saint-petersburg.ru/m/kak_eto_sdelano/emtsov/371418/ (дата обращения: 13.11.2022).
17. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 354 с.
18. Кодухов В.И. Лексико-семантические группы слов. Л.: Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена, 1995. С. 4–5.
19. Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 4. Камни, металлы. Вып. 5. Ткани, изделия из тканей. М.: Изд. дом ЯСК, 2017. 680 с.
20. Кому башню графа Орлова? [Электронный ресурс] URL: <https://mr-7.ru/articles/143758/> (дата обращения: 13.11.2022).
21. Кузнецов Ю.А. Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 24 с.
22. Мир Петербурга — портал центра петербурговедения библиотеки им. В.В. Маяковского: [Электронный ресурс] URL: <http://mirpeterburga.ru/> (дата обращения: 13.11.2022).
23. Новиков А.Л. Эскиз семантического поля // Вестник РУДН. Серия: Теория. Семиотика. Семантика. М.: Российский университет дружбы народов, 2011. № 2. С. 7–17.
24. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. 940 с.
25. Потапова Н.А. Выделение паремий с лексемой «камень» в текстах национального корпуса русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 2. С. 131–135.
26. Потапова Н.А. Русские пословицы тематической группы «полезные ископаемые» (на материале словарей В.И. Даля, М.А. Рыбниковой и В.И. Зимина) // Мир русского слова. СПб.: типография издательства СПбГУ, 2016. № 2. С. 31–36.
27. Пудостский травертин: [Электронный ресурс] URL: <https://xn----stb8d.xn--plai/pudostskij-travertin/> (дата обращения: 13.11.2022).
28. Райскина В.А., Дубнякова О.А. Современные методы корпусной лингвистики при анализе текста (на примере корпуса ВФМ) // Актуальные вопросы современной науки. СПб.: Открытие, 2015. № 40. С. 146–155.
29. Степанова Л.Ю. Возможности применения корпусного анализа в процессе изучения номинации минералов (на материале сказов П.П. Бажова) // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. М.: ФЛИНТА, 2021. С. 799–809.
30. Степанова Л.Ю. Прилагательное каменный в сказах П.П. Бажова // Мир русского слова. СПб.: типография издательства СПбГУ, 2019. № 4. С. 22–28.
31. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб.: «Искусство — СПб», 2003. 616 с.

32. Тутакова А.Я. Опыт экспертной оценки облицовочного гранита // Записки Горного Института. Т. 155. СПб.: Санкт-Петербургский горный университет, 2003. № 1. С. 39–43.
33. Фатеева Н., Петрова З. «Каменное слово» в русской поэзии: образная параллель «слова, стихи, камни, металлы» // Quaestio Rossica. Т. 7. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2019. № 1. С. 294–311. DOI 10.15826/qr.2019.1.377.
34. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. С. 229–239.
35. Франк-Каменецкая О.В., Власов Д.Ю., Маругин В.М., Книзель А.А., Лепешкина Н.Ф. Комплексный мониторинг состояния памятников из камня в городской среде // Записки Горного Института. СПб.: Санкт-Петербургский горный университет, 2004. № 158. С. 132–135.
36. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. 253 с.

Lexico-semantic group “Stones of St. Petersburg” (granite, marble, pudost stone): functioning of comparative tropes

Daria Shchukina,

doctor of philology, full professor, professor

St. Petersburg Mining University

E-mail: dshukina@yandex.ru;

Nadya Ivanova,

post-graduate student

St. Petersburg Mining University

E-mail: nadyahell@yandex.ru

The lexical-semantic group “Stones of Petersburg” and its subgroups “granite”, “marble” and “pudost stone” are studied. The contexts of the use of these lexemes are considered. The aim of the work is to consider and describe the peculiarities of functioning of comparative tropes subgroups of lexical-semantic group “Stones of St. Petersburg”. The methods of corpus analysis and semantic field are used in the work, which allow to describe the semantics of the studied lexemes in the most detailed way. The material for the study of the lexemes “granite” and “marble” was the main subcorpus of the National Corpus of the Russian language, as well as online resources. The lexical-semantic group “Stones of St. Petersburg” is not singled out as a separate group in any ideographic dictionary, but there are grounds to single out the stones of St. Petersburg as a separate group. The paper identifies two subgroups of comparative tropes, in which the studied lexemes are used in their denotative meaning: “Comparisons” and “Metaphorical adjectives”. A conclusion is made about the display of physical properties of stones in metaphorical expressions, which determines the conditions for the emergence of an associative series in native speakers. At the same time, metaphorical adjectives add a number of connotative meanings to the lexemes.

Key words: lexical-semantic group, lexical-semantic field, corpus analysis, comparative tropes, the semantic field method.

DOI: 10.18572/2687-0339-2023-1-32-35

Влечение к смерти в романе М. Степновой «Хирург»

М.В. Бочкина,

кандидат филологических наук,
независимый исследователь, г. Москва, Россия

E-mail: marystradivari@mail.ru

В статье анализируются образы главных героев в свете концепции влечения к смерти З. Фрейда. Две параллельные сюжетные линии, описывающие жизни Аркадия Хрипунова и Хасана ибн Саббаха, связаны опосредованно, с помощью различных мотивов, например, живого и мертвого. Тяга к деструкции обнаруживается в историях обоих героев, которые, будучи подчинены внутреннему голосу или некоей субличности, совершают цепь необратимых поступков. В финале романа оба героя приходят к полному краху и саморазрушению. Попытка встать на место бога и подчинить жизнь мертвой схеме заканчивается провалом: творения демиурга-творца оборачиваются против него самого.

Ключевые слова: современный роман, Марина Степнова, эрос и танатос, влечение к смерти, современная русская литература.

В одном из интервью М. Степнова назвала «Хирург» романом о «мире абсолютной нелюбви». Этот мир отчасти сотворен двумя героями, ощущающими себя демиургами, их судьбы прослеживаются в двух параллельных сюжетных линиях. По замыслу автора, образы Хрипунова и Хасана ибн Саббаха связаны множеством мотивов, смысловых параллелей. Широкое интертекстуальное поле романа включает ряд произведений русской и зарубежной литературы (например, «Франкенштейн» М. Шелли, «Собачье сердце» М. Булгакова, «Одиссея» Гомера и др.), а также мифов, что было освещено в различных исследованиях, например, в статье А.В. Громовой [Громова 2021]. В литературоведении также была предпринята попытка анализа образов персонажей сквозь призму теории нарциссизма З. Фрейда и концепции сверхчеловека Ф. Ницше [Войводич 2017].

Однако история Хрипунова обнаруживает такие психологические мотивировки (путь от рождения до смерти, очевидно, являющейся самоубийством), которые отсылают к еще одной концепции З. Фрейда, а именно теории влечения к смерти,

которое рассматривается как противоположность влечению к жизни (сексуальным инстинктам и инстинктам самосохранения). Смерть, названная З. Фрейдом в одном из интервью танатосом, и эрос — это два антагониста, которые находятся в противоборстве в области сознательного и бессознательного человека. Влечение к смерти стоит в ряду деструктивных тенденций в развитии личности, оно связано со склонностью к агрессии и характеризуется неким всеобщим стремлением материи к первоначальному состоянию: «Если мы признаем как не допускающий исключений факт, что всё живое умирает, возвращается в неорганическое, по причинам внутренним, то мы можем лишь сказать, что цель всякой жизни есть смерть, и заходя еще дальше, что неживое существовало прежде живого» [Фрейд 1969: 52]. Помимо естественного стремления мира к первоначальному органическому состоянию З. Фрейд признает существование постоянной борьбы двух начал, что приводит к превалированию одного над другим с постепенным вытеснением последнего, т. е. могут возобладать как позитивные тенденции тяги к жизни, ее приумножению,

витальность, так и деструктивные, агрессивные и саморазрушительные стремления, называемые влечением к смерти: «Итак, кроме Эроса, имеется и первичный позыв Смерти; взаимодействием и противодействием их обоих можно было бы объяснить феномен жизни. Не легко было, однако, выявить деятельность этого гипотетического первичного позыва Смерти. Проявления Эроса были достаточно бурными и бросающимися в глаза, что же касается первичного позыва Смерти, то можно было предположить, что он глухо ведет свою работу по разложению внутри живого существа, но такое предположение, конечно, не равноценно доказательству. Больше дала идея о том, что часть первичного позыва обращается против внешнего мира и находит свое выражение в первичном позыве агрессии и разрушения. Таким образом, этот первичный позыв принуждается к служению Эросу, и живое существо, вместо того, чтобы уничтожить самое себя, уничтожает что-то чужое, как одушевленное, так и неодушевленное. И, наоборот, ограничения агрессивности вовне должны были бы усиливать и так уже идущие сами по себе процессы самоуничтожения» [Фрейд 1969: 306]. Борьба двух начал отчетливо прослеживается в романе. Это и оппозиция живого и мертвого, лейтмотив смерти, идея насилия и самоуничтожения, характеризующиеся, в конечном итоге, влечением к смерти, что выразилось в двух сюжетных линиях — террориста Хасана ибн Саббаха и хирурга Хрипунова.

Линии судеб двух героев объединены отторжением от жизни и всего живого. «Мир нелюбви» в романе М. Степновой равнозначен миру «нежизни», в сущности, это холодное и мрачное пространство, вполне соответствующее внутреннему состоянию героев без души (на ее отсутствии автор акцентирует внимание не единожды). Мировосприятие Хрипунова мотивировано его детством: мать, представительница советской обывательской среды, не имеет материнского инстинкта и не одаривает своего сына вниманием, заботой, т. е. различными проявлениями любви. Инстинкт продолжения рода у хрипунов-

ской мамы напрочь отсутствовал, причем не как следствие каких-либо убеждений, а как природная функция: «Это не была биологическая программа, та самая, которая превращает каждую вторую женщину от восемнадцати до двадцати пяти лет в ходячую яйцеклетку, безмозгло и жадно ждущую оплодотворения. Потому что никакого желания репродуцировать, выкармливать, тискать и холить крошечное младенческое тельце <...> хрипуновская мама не испытывала» [Степнова: 28]. Хрипунов рос в атмосфере равнодушия и духовной деградации, и единственное, что объединяло страдающего алкоголизмом отца и интеллектуально неразвитую мать, были сугубо материально-бытовые интересы вроде употребления пищи. Вследствие этого Хрипунову становятся недоступны такие человеческие проявления, как любовь и эмпатия. В его личности также вытеснен интерес к противоположному полу как основополагающий компонент витальности. В юности Хрипунов осознает, что у него напрочь отсутствует притяжение к женщине, есть только сугубо физиологический и приземлённый, слабо проявленный инстинкт, который он называл «мясной возней»: «Никогда потом — ни в восемнадцать <...>, ни в двадцать восемь, ни в сорок лет — он не испытывал от живых женщин особого удовольствия, только бледно изогнутый вопрос и неприятное ощущение, что ты что-то явно делаешь не так» [Степнова: 84].

Идея отторжения от женского, вытеснения эроса выразилась в истории Хасана ибн Саббаха. Женское начало ассоциируется с зарождением жизни, продолжением рода, идеей уничтожения которого одержим Хасан ибн Саббах. Он равнодушен к своим двум женам: «Никто никогда не видел их без чадры. Говорили, что даже сам Хасан» [Степнова: 75]. Даже наложницы не воскрешают в ибн Саббахе подлинного влечения к жизни. Рожденных девочек он приказывает убивать, а история с выжившей беременной дочерью ярко демонстрирует его страх перед жизнью, которую он маниакально стремился уничтожить в самом зародыше. Встреча с ней

пробуждает нехарактерные для него чувства: «В первый раз со времен Реи Хасан ибн Саббах почувствовал, что живет по-настоящему — в том смертном ужасе, в котором от рождения привыкли жить все земные души...» [Степнова: 176]. Хрипунов, в котором реинкарнировал Хасан ибн Саббах, такого страха не испытывает: он лишен витальных инстинктов, способности к переживанию эмоций и эмпатии, вместо них присутствует пустота, вакуум (что, кстати, характеризует нарциссическую травму). Хрипунов равнодушен к деньгам, людским удовольствиям, хладнокровен к Анне (она его интересует только в качестве жертвы), безразличен к смерти матери.

Истории Хрипунова и Хасана ибн Саббаха объединены стремлением выстроить мир как мертвенную умозрительную схему, и в этом мире нет места жизни, она видится как нечто несовершенное, не соответствующее идеалу, а значит, подлежащее уничтожению, а все проявления живого — это нечто, нарушающее порядок вещей. Государство Хасана построено на культуре смерти, она является некой конечной целью. Для Хрипунова же торжество мертвого над живым реализуется в эстетическом плане — красота, которую создает хирург, слишком идеальна, отчего ужасает, это попытка избавиться от жизни в каждой части человеческого тела, очистить это тело от следов божьего промысла рукой демиурга. Еще в юности, оказавшись в морге, Хрипунов осознает, что мертвые ему нравятся больше живых, словно смерть — это комфортный мир, то лоно, колыбель, тот первоисток, к которому всё должно прийти. Художественное пространство морга для Хрипунова оказывается местом вполне привычным и даже «обжитым», не смущает даже трупный запах: «Хрипунов уже в двенадцать лет знал, что единственное, к чему невозможно привыкнуть никогда, — это сама жизнь» [Степнова: 136]. Уподобление морга миру обретает особое значение для Хрипунова: «...внутри морг оказался запутанным, ледяным и сложным, как мир» [Степнова: 136]. Здесь усматривается сходство с образом мира мертвых Аидом, в который сошел Одиссей. В жиз-

ни Хрипунова — это тоже переломный этап, но несколько в ином плане, внутреннее перерождение здесь со знаком минус: «Аркадий? Хрипунов кивает еще раз. Да, он здесь. Он на месте. На своем месте. Наконец-то» [Степнова: 151]. Воплощением подлинной красоты для Хрипунова является лицо мертвой девушки, и не в последнюю очередь оттого, что оно лишено эмоций, жизни: «...всё еще сидела, раскинув по плечам рыжеватые волосы, девушка с круглой желтой грудью (остального Хрипунов не разглядел) и удивительным лицом. Твердым, неподвижным и идеально прекрасным. Не то что у живых» [Степнова: 142]. Впечатленный увиденным, Хрипунов отмечает, что живые люди в их естественном облике уродливы и некрасивы. В результате эксперимента с лицом Анны Хрипунов создал ту самую улыбку женщины из детского видения, и эта улыбка отражала нечто нечеловеческое, что вызывало у людей «от крайнего ужаса до эйфории». Творение Хрипунова — это воплощение внеземного идеала, нечеловеческого. В романе упоминается и факт отвращения к крови, поскольку «она была чересчур живая для того, чтобы выглядеть гармоничной. Мешала» [Степнова: 159]. Миг фаустовского блаженства для Хрипунова — это проблеск несуществующей в природе гармонии, когда «мир вновь замирает в точке золотого сечения» [Степнова: 160].

Мир, сотворенный героями, является местом, где демиург стремится навязать свою волю в противовес божественной. Причем каждый из них подчиняется некой, живущей внутри них силе: Хрипунов реинкарнировавшему в него ибн Саббаху, а сам ибн Саббах голосу, которому сопутствует постоянная мигрень. Это, почти inferнальное, «оно», берет власть над сверх-я героя, подчиняя его себе. Субличность в тексте обрывает множеством мифологических и литературных реминисценций, однако, если обратиться к концепции З. Фрейда, она является воплощением тех деструктивных стремлений и инстинктов, которые описываются понятием влечения к смерти. «Промысел» и «деяние» Хрипунова и Хасана

ибн Саббаха в основе своей агрессивны и насильственны. Однако выбранные ими жертвы также одержимы идеей саморазрушения. В этом смысле агрессор и жертва — две стороны одного и того же явления. З. Фрейд своеобразно осмысляет концепцию Шопенгауэра, говоря о том, что смерть — это цель жизни, а сексуальный инстинкт — это воля к жизни. В жертве эта воля к жизни ослабевает, а деструктивные инстинкты начинают преобладать. Таковы фидайны, готовые отдать свою жизнь по приказу Хасана ибн Саббаха, желающие увидеть свою смерть, таковы клиентки Хрипунова, не принимающие свой собственный облик, в частности, Анна, подвергнувшая свое лицо полной переделке и свыкшаяся с участью жертвы, что в финале привело к глубокому внутреннему разладу (однако, возникшая влюбленность и привязанность к хирургу у Анны

свидетельствует о зарождении воли к жизни, что вносит диссонанс в своеобразные отношения с Хрипуновым и постепенно приводит к краху). Влечение к деструкции оборачивается, в конечном счете, не только против жертвы, но и против агрессора, это путь к самоуничтожению. К. Меннингер в работе «Война с самим собой», опираясь на идеи З. Фрейда, называет подобные саморазрушительные тенденции особой формой самоубийства, локальным или хроническим, в основе которого лежит влечение к смерти или агрессия, направленная на себя. В этом контексте самоубийство Хрипунова, прямо не названное, становится естественным финалом романа, что соответствует логике сюжета. Смерть являлась той неосознаваемой целью Хрипунова, главной самоценной идеей, которая подчинила себе личность хирурга.

Литература

1. [Войводиц] Vojvodić Jasmina. (Neo)mythological elements in the modern Russian prose (through the example of «Surgeon» by Marina Stepnova) // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2017. Vol. 10. № 5. Pp. 768–775.
2. Громова А.В. Роман М. Степновой «Хирург» в историко-культурном контексте // Пушкинские чтения — 2021/ Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. 2021. С. 247–260.
3. Меннингер К. Война с самим собой. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 477 с.
4. Степнова М.Л. «Просто пытаюсь найти ответы на волнующие меня вопросы» [Электронный ресурс] <https://rg.ru/2012/11/06/stepnova.html>. Дата обращения: 23.12.2022.
5. Степнова М.Л. Хирург: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. 316 с.
6. Фрейд З. Избранное. London, 1969.

Death drive in the novel by M. Stepnova “The Surgeon”

Mariia V. Bochkina,

Ph.D. in Philology,

Independent Researcher, Moscow, Russia

E-mail: marystradivari@mail.ru

The article analyzes the images of the main characters in the light of Freud's concept of the death drive. Two parallel storylines describing the lives of Arkady Khripunov and Hassan ibn Sabbah are connected indirectly, with the help of various motifs, for example, the living and the dead. The desire for destruction is found in the stories of both heroes, who, being subject to an inner voice or some kind of subpersonality, commit a chain of irreversible actions. At the end of the novel, both characters come to complete collapse and self-destruction. An attempt to take the place of God and subordinate life to a dead scheme ends in failure: the creations of the demiurge-creator turn against him.

Key words: modern novel, Marina Stepnova, eros and thanatos, death drive, modern Russian literature.

Русский язык в образовательном пространстве стран СНГ: система школьных сертификационных уровней владения русским языком и новая учебная литература

Е.А. Хамраева,

доктор педагогических наук, профессор,
заведующая кафедрой лингводидактики русского языка
как иностранного и билингвизма
Московский педагогический государственный университет,
главный эксперт РАО (Российская академия образования)
E-mail: elizaveta.hamraeva@gmail.com

Статья посвящена описанию процессов создания новой учебной литературы на постсоветском пространстве, а также вопросам применения арсеналов современных педагогических технологий в обучении русскому языку школьников Республики Узбекистан и Кыргызской Республики. В статье затронута проблема выявления в системах среднего образования данных стран требований к сертификации достигнутых языковых и коммуникативных уровней. Вводится также понятие «международный русский язык» в применении к школьному курсу русского языка данных стран.

Ключевые слова: постсоветское пространство, сертификационные уровни, мировой язык, социокультурное значение, педагогические технологии, проектная деятельность.

*Скажи мне — и я забуду.
Покажи мне — и я запомню.
Вовлеки меня — и я научусь...*

Китайская пословица

Введение. Мы живем в очень динамично меняющемся мире. Самые непредсказуемые и очень яркие изменения происходят сегодня именно в сфере языкового образования в постсоветском пространстве. Всё чаще возникают вопросы качества преподавания русского языка как иностранного на территории СНГ, что не всегда находит своё решение, потому что именно в этих странах по-разному интерпретируется традиция преподавания языка, не всегда присутствует согласованность методических позиций специалистов, но при этом русский язык используется очень активно. Важно понимать следующее: обучение русскому языку — это не столько вариант языкового образования для ближайших соседей, сколько

интеллектуально-коммуникативный процесс, и именно средствами русского языка часто происходит изучение других предметов и подготовка абитуриентов к обучению в Российской Федерации. Очень важно донести это звучание русского языка коллегам в СНГ, поэтому данный тезис и становится основой формирования нового отношения к курсу РКИ сегодня.

Изменение современного мира, процессы глобализации, новые условия функционирования в нём языков, предполагают создание учебных средств для **квалифицированного изучения русского языка в школах на постсоветском пространстве.** Практика деятельности в этом направлении подсказывает: современная система преподавания русского языка

в разных странах мира нуждается в использовании системы *школьных сертификационных уровней* владения русским языком, созданных в логике ТРКИ, но решающих задачу обучения младших школьников и подростков. Системы сертификации школьных уровней также есть в английском, французском, немецком, испанском, итальянском и китайском языках. Безусловно, в русском языке пользуется большой популярностью шкала ТРКИ, однако она детально разработана лишь для взрослых обучаемых.

Обучение школьников успешно осуществляется только по учебным материалам, ориентированным на возраст учащегося, на темы, интересные и доступные ему. Обозначенные уровни необходимы не только для контроля сформированных умений. Их суть — презентация учебного материала в строгой иерархии, последовательно и пошагово, причём не только в структуре урока, но и в самих учебниках. Необходимость в создании отдельной сертификационной шкалы и диагностирующих материалов для детей, изучающих русский язык, обусловлена невозможностью использования «взрослых тестов» для проверки умений в иностранном русском языке у детей младшего школьного возраста. В сегодняшней действительности все мировые языки, изучаемые в школе, обязательно транслируются через маркировки уровней (от А1 до С2). Известно, что одним из показателей *мирового языка* является его включенность в систему школьного образования разных стран в качестве первого или второго иностранных языков, либо в качестве одного из родных языков ребёнка. Существуют разные диагностические системы, позволяющие определить точный уровень владения языком у двуязычного индивидуума, например, европейский языковой портфель, национальные системы диагностических замеров, рассчитанные на взрослых обучаемых или детей. Унификация языковой шкалы в точном соответствии с программой школьного обучения и психофизиологическими и возрастными особенностями детей произведена коллективом разработчиков под руководством Е.А. Хамраевой [Хамраева 2020]. В насто-

ящее время система школьных уровней русского языка уже размещена на сайте Центра международного сотрудничества Министерства просвещения РФ [Сертификация уровней...]. В отборе их содержания принимали участие коллективы авторов новых учебников русского языка для Республики Узбекистан и Кыргызской Республики. Это известные методисты, представители педагогической общественности этих стран и преподаватели-практики.

Методические решения. Известно, что образование — это в сумме *обучение, воспитание и развитие*. Именно с этих позиций мы и рассматриваем процесс создания новой учебной литературы для школьников из стран СНГ, поскольку и *обучение* языку, и *воспитание*, а именно — формирование страноведческого интереса и восприятие страны носителей языка в культурно-историческом контексте, обеспечивают интерес и уважение к русскому языку и культуре.

Развитие ребёнка, безусловно, всегда должно быть комплексным. По замыслу авторов, новая учебная линия обеспечивает ситуации расширения языкового опыта школьника, развитие любознательности и интереса к обучению именно средствами русского языка, поэтому создание социокультурной среды, в том числе цифровой, средствами разработанных УМК становится вполне решаемой задачей: в УМК для обеих стран привлечены возможности дополненной реальности, на страницах учебника и тетради в разделе «аудирование» размещены QR-коды, видео и аудиофайлы, сопровождающие обучение. Помимо этого, в содержании учебной линии на страницах школьного учебника обязательно присутствует два проекта творческого характера, выполнение которых расширяет возможности школьного урока. Проект — это творческая развивающая деятельность, направленная на достижение определенной цели, решение какой-либо задачи именно теми средствами русского языка, которыми владеет школьник. Возникает естественная ситуация их коммуникативного расширения. Таким образом, в учебной линии за курс обучения реализуется свыше 20 проектов творческого, поискового

или метапредметного характера, раздвигающих границы школьного учебника. Это и изготовление поздравительной открытки, и виртуальные путешествия в разные российские города, и настольные игры, и работа в картинной галерее, и поиск сокровищ, и многое другое. Проектированием на страницах школьных учебников называется подготовка самой проектной работы, а также процесс и результат действий. Именно *творческая проектная деятельность* средствами русского языка становится визитной карточкой новых учебных линий для Кыргызской Республики и Республики Узбекистан.

Почему же возникла столь острая необходимость создания новых учебников? Так, например, в Республике Узбекистан за последние 25 лет сильно изменилась языковая среда и практически перестал действовать *средовой подход*, когда достаточный объём русского языка в окружении детей (на улице, по радио и телевидению) обеспечивал качество его изучения. В ходе осуществленного РГПУ им. А.И. Герцена в 2020–2021 годах лингвоаудита было выявлено, что методика обучения русскому языку, применяемая ранее в образовательных организациях Республики Узбекистан, ориентирована на другую **социолингвистическую ситуацию**. Изучение русского языка всего два раза в неделю в течение 34 недель в году в ограниченной языковой среде и выраженная необходимость его функционального использования обусловила методический поиск и разработку новой концепции курса.

Одной из причин недостаточного владения русским языком школьниками Узбекистана, на наш взгляд, является узкофункциональное понимание учителями целей обучения: фонетический строй, грамматические правила, синтаксические конструкции. Это приводит к тому, что ученик, владея «формальной» стороной языка, не реализует задач познания и развития. Для решения этой ситуации потребовался качественно иной подход к преподаванию русского языка, реализуемый через творческую проектную деятельность. Это стало основанием для разработки новой методической модели преподавания русского языка в странах постсоветского пространства.

Изменение методической модели обучения русскому языку, которое прогнозируется после внедрения всей учебной линии, предполагает гармонизацию видов речевой деятельности (аудирования, чтения, письма, говорения) в практике каждого урока. Особенно важны эти умения для коммуникативной деятельности: слушать собеседника, выявлять области совпадения и расхождения позиций участников диалога, договариваться о правилах взаимодействия, объяснять свою точку зрения и др. Именно поэтому в УМК для Республики Узбекистан введена парная, групповая и игровая деятельность, мини-проекты и задания на диалог культур. Мы широко используем *принципы непрямого обучения* [Московкин 2014], поскольку именно при таком овладении языком в любом школьном возрасте наблюдается устойчивый интерес к русскому языку. В целом, поиск авторов учебной линии распространился на сферу современных технологий преподавания РКИ в пространстве СНГ, а также на отбор игровых, социокультурных, интегративных и ярких деятельностных технологий, необходимых в обучении детей и взрослых сегодня. Организация изучения РКИ в мире, а особенно в постсоветских странах, СНГ или Юго-восточной Азии требует учета региональных методических потребностей, создания специальных лингводидактических условий и обязательного учёта уровня владения русским языком, как и реального языкового и коммуникативного опыта учащихся. Это позволит создать необходимые языковые материалы для качественной подготовки по русскому языку как иностранному для всех категорий обучаемых. Безусловно, очень важным оказалось и введение идеи «диалог культур», рассказов о российских связях с родной страной учащихся или о явлениях российской действительности, интересных для учащихся. Иллюстрации, фотографии, знакомые образы, отражающие реальность родной страны учащихся, «приближают» учебник к детям из стран СНГ, показывая привычную действительность средствами русского языка.

В ходе работы над УМК для Республики Узбекистан и Кыргызской Республики впервые (и это не имеет аналогов в Рос-

сийской Федерации в сфере преподавания русского языка за рубежом) было соотнесено содержание учебного плана и международных требований к достижению определенного языкового уровня. В результате **возникла новая форма** школьных программ, соединяющая традиционные требования к учебному курсу с требованиями языкового уровня по русскому языку как иностранному. *Это и стало дидактической основой учебников.*

Выводы. В результате проделанной и описанной выше работы была создана линия учебников для Республики Узбекистан, сопровождаемая дидактическими и методическими материалами, обеспечивающая владение русским языком от нулевого уровня **A0** до результата выпускного уровня **B1+** (**уровень вхождения, например, в российский вуз**) за 680 академических часов.

Таблица 1

Соотнесение школьной программы и уровневых требований в Республике Узбекистан (2–11 классы)

Класс	Количество часов	Заявленный уровень
2	68	A1.1.
3	68 136 часов = уровень A1	A1.2
4	68	A2.1
5	68	A2.2
6	68 + 204 часа = уровень A2	A2.3
7	68	B1.1
8	68	B1.2
9	68 + 204 часа = уровень B1	B1.3
10	68	B1+
11	68 + 136 часов = уровень B1+	B1+
Итого	680 часов	Для достижения результатов от A0 до B1+

Иной подход избран совместным авторским коллективом из Российской Федерации и Кыргызской Республики, потому что в данной республике оказалась иная социолингвистическая ситуация. Созданные учебники сохраняют российскую образовательную традицию, однако составлены в полном соответствии с утвержденным в стране стандартом. Можно сказать, что возникла новая форма школьной программы, соединяющая традиционные требования к учебному курсу с требованиями языкового уровня по русскому языку. Введена методика словарной работы и лексических диктантов с 1 по 11 класс, важная в современном образовании, потому что она достаточно интенсивно расширяет активный лексический запас. Отобрана лексика для каждого уровня и созданы актуальные словари для каждого класса. Основной принцип создания данных учебников — отбор учебного содержания и его распределение в недельных циклах. Это связано с различным количеством часов русского языка

Таблица 2

Соотнесение школьной программы и уровневых требований в Кыргызской Республике (1–11 классы), распределенные по учебным неделям

Класс	Количество недельных циклов	Заявленный уровень
1	34 концентрированных недельных цикла	A1.1
2	34	A1.2
3	34	A1.3
4	34	A2.1
5	34	A2.2
6	34	A2.3
7	34	B1.1
8	34	B1.2
9	34	B1.3
10	34	B1+
11	34	B1+
374	академических цикла	11 лет обучения

в неделю в школах разного типа (как правило, 2–4 часа). Именно поэтому для Кыргызской Республики была создана линия учебников, сопровождаемая дидактическими и методическими материалами, обеспечивающая владение русским языком от нулевого уровня **A0** до результата выпускного уровня **B1+** за **374 академических цикла, календарно распределенных по 34 темам каждый год.**

Итак, в ходе создания новых учебно-методических комплектов для Кыргызской Республики и Республики Узбекистан была разработана и апробирована система школьных сертификационных уровней по русскому языку и русскому языку как иностранному, которая нашла своё отражение как в разработке собственно учебных материалов, так и в создании тестовых и диагностических рабочих

тетрадей. Система соответствует современным задачам измерения результатов языкового обучения в мировых языках. Количество лексических и грамматических единиц каждого уровня строго соотносится с утверждёнными цифровыми показателями уровней владения русским языком ТРКИ (для взрослых обучаемых или мигрантов), однако трансформируется в соответствии с требованиями образовательных стандартов разных стран. Соответственно, в результате создания новых учебно-методических комплектов впервые за последние 30 лет была создана уникальная модель *УМК по русскому языку для стран постсоветского пространства*, основанная на международном уровне подходе и связях с государственными требованиями к изучению русского языка в период обучения в средней школе.

Литература

1. Московкин Л. В. Непрямое обучение русскому языку как иностранному // *Człowiek. Świadomość. Komunikacja*. Internet. Leuven: University of Leuven, 2014. С. 45–53.
2. Сертификация уровней по русскому языку для зарубежных школ [Электронный ресурс] <https://interdomivanovo.ru/rossiyskiy-uchitel-za-rubezhom1/sertifikaciya.php> (дата обращения 05.03.2023 г.)
3. Хамраева Е. А. Лингводидактическая диагностика. Русский язык. Универсальные учебные действия. М.: Русский язык. Курсы, 2020. 148 с.

Russian Language in the educational space of the CIS countries (Commonwealth of Independent States): the system of school certification levels of proficiency in the Russian language and new educational literature

Elizaveta A. Khamraeva,

Doctor of Pedagogical Sciences, Full Professor, Professor

Head of the Department of Linguodidactics of Russian as Foreign Language and Bilingualism
Moscow Pedagogical State University

Chief expert of RAO (Russian Academy of Education)

E-mail: elizaveta.hamraeva@gmail.com

The article is devoted to the description of the processes of creating new educational literature in the post-Soviet space, as well as the use of modern pedagogical technologies in teaching Russian to schoolchildren of the Republic of Uzbekistan and the Kyrgyz Republic. The article touches upon the problem of identifying the requirements for certification of the achieved language and communicative levels in the secondary education systems of these countries. Russian language is also introduced in the concept of “international Russian language” as applied to the school course of the Russian language of these countries.

Key words: post-Soviet space, certification levels, world language, socio-cultural significance, pedagogical technologies, project activities.

DOI: 10.18572/2687-0339-2023-1-41-50

Методическое прогнозирование трудностей в обучении русскому языку и культуре речи студентов из стран СНГ

И.А. Пугачев,

доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка
Институт русского языка Российского университета дружбы народов
E-mail: pugachev-ia@rudn.ru

М.Б. Будильцева,

кандидат филологических наук, доцент, доцент
Институт русского языка Российского университета дружбы народов
E-mail: budiltseva-mb@rudn.ru

И.Ю. Варламова,

кандидат филологических наук, доцент, доцент
Институт русского языка Российского университета дружбы народов
E-mail: varlamova-iyu@rudn.ru

В статье рассматриваются научно-методические вопросы обучения русскому языку и культуре речи студентов-билингвов из стран СНГ. Изложена авторская концепция отбора и организации учебного материала в контексте этнолингвоориентированной методики. Определены содержательно-целевые аспекты курса, ориентированного на тюркоязычных учащихся. Предложенный подход позволяет прогнозировать и устранять типичные ошибки и коммуникативные неудачи в речи студентов-билингвов, помогает им овладеть правилами русского речевого этикета, повышает уровень их речевой культуры в разных сферах общения.

Ключевые слова: русский язык и культура речи, речевой этикет, студенты-билингвы, сопоставительный подход, интерференция.

Особенностью современной ситуации в высшем образовании России является стремительное увеличение количества иностранцев за счет учащихся из стран СНГ.

Приехавшие из стран СНГ студенты, традиционно относящиеся к студентам-билингвам, испытывают трудности общения в социокультурной, деловой и учебно-научной сферах. Наблюдаемый в российских вузах поворот в сторону интересов учащихся из стран СНГ убеждает в необходимости инновационного подхода к их обучению русскому языку и культуре речи. А это, в свою очередь, требует соз-

дания новых учебных материалов, строго ориентированных на специфику данного контингента, что и обуславливает актуальность предлагаемой работы.

Известно, что билингвы — носители разных языков сталкиваются с трудностями разного характера, что связано прежде всего со степенью типологической близости русского и родного языка студента. Например, у учащихся-носителей индоевропейских языков (белорусского, армянского, таджикского, молдавского) формирование коммуникативной компетенции сопряжено с меньшими трудностями, чем у тюркоязычных студентов.

Цель статьи — выявить и систематизировать языковые трудности, типичные для носителей тюркских языков при изучении курса «Русский язык и культура речи»; на основе полученных данных определить структуру и содержание разделов курса.

Задачи исследования: 1) описать наиболее частотные грамматические, лексические и стилистические ошибки в речи данного контингента учащихся; 2) определить круг тем, необходимых для углубленного изучения в рамках курса; 3) разработать методические принципы подачи учебного материала.

Методы исследования:

1. Аналитический (анализ и методическая интерпретация речевых ошибок разных уровней языка). Объектом исследования являлась речь студентов 1 курса — носителей тюркских языков. В эксперименте приняли участие 58 студентов Инженерной академии и факультета физико-математических и естественных наук РУДН из Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Азербайджана и Туркменистана. Учащимся было предложено выполнить три типа заданий: 1) построить письменное монологическое высказывание на тему «Почему я выбрал эту профессию?» (объемом не менее 10 предложений); 2) написать официальное письмо по актуальной для студентов тематике; 3) принять участие в диалоге в заданной коммуникативной ситуации в роли инициатора и/или собеседника, отвечающего на реплики. При оценке уровня сформированности коммуникативных навыков учитывались: адекватность цели (ситуации), сформулированной в задании; лексико-грамматическая и стилистическая правильность речи; соблюдение норм речевого этикета.

2. Метод опроса (анкетирование студентов — носителей тюркских языков). В анкете предлагалось ответить на вопросы, связанные с представлением учащихся о явлениях русского языка, которые вызывали у них наибольшие трудности:

- грамматический уровень: падежная система, виды глагола, образование и употребление деепричастий и т. п.;

- лексический уровень: многозначность слова, употребление паронимов и др.;

- практическая стилистика: уместность словоупотребления, соблюдение речевого этикета.

Обработка результатов опроса, помимо информации о языковых трудностях, позволила уточнить наиболее интересные для респондентов темы, а также ситуации, в которых учащиеся испытывают дискомфорт в общении с носителями языка из-за неадекватности своего речевого поведения.

Актуальные в русле затронутой проблематики вопросы сопоставительного анализа русского и тюркских языков как разноструктурных языков (русский язык является флективным, тюркские языки — агглютинативными), интересовали таких известных лингвистов и методистов, как Н.М. Шанский [Шанский 1985], Л.В. Щерба [Щерба 1974], И. А. Бодуэн де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963], В.А. Богородицкий [Богородицкий 1951], З.М. Валиуллина [Валиуллина 1968] и др. Благодаря их научным изысканиям был разработан и внедрен в практику обучения тюркоязычных учащихся не утративший своей актуальности сопоставительный подход, на основе которого созданы и постоянно создаются учебники по обучению РКИ данного контингента учащихся.

Изучению вопросов билингвизма посвящен большой пласт научной литературы. Описание этого явления было впервые предпринято в отечественной науке Е.М. Верещагиным, который определил критерии выделения типов билингвов; дал психофизическую, социологическую и лингвистическую характеристику явлению билингвизма [Верещагин 1969а]. В мировой науке о языке под билингвизмом понимают практику попеременного использования двух языков (определение У. Вайнрайха [Вайнрайх 1979]).

По мнению У. Вайнрайха, проблема билингвизма с лингвистической точки зрения заключается в необходимости а) описания тех языковых систем, которые затрудняют одновременное владение ими; б) прогнозирования трудностей, возникающих в результате контакта языков; в) указания в поведении двуязычных носителей на отклонения от норм каждого из языков, обусловленные особенностями владения родным и изучаемым языками [там же: 19]. Среди известных исследователей, занимающихся проблематикой билингвизма и полилингвизма, следует отметить работы Г.М. Вишневской [Вишневская 1997], У.М. Бахтикиреевой [Бахтикиреева 2005], Ю.Д. Дешериева [Дешериев 1972], Т.А. Бертагаева [Бертагаев 1972], А.П. Юдакина [Юдакин 1981].

В то же время вопросам преподавания билингам курса русского языка и культуры речи, который должен, на наш взгляд, учитывать нормативно-стилистические особенности разных языков, уделяется недостаточное внимание. Углубленного изучения требует также национально-культурная специфика речевого поведения представителей разных культур, так как «стилистические средства, имеющие «одноименную» стилистическую маркированность (отмеченность), в разных культурах могут быть связаны с нетождественными коммуникативными ситуациями, с различными стереотипами поведения» [Мечковская 2000: 58]. И здесь мы согласны с Е.М. Верещагиным, который считает, что при анализе речевого поведения обязательно следует обращать внимание на обстановку, в которой происходит общение, выбор темы, использование привычных сравнений, намеков, способов поддержания беседы [Верещагин 1969б: 65].

Авторами статьи были созданы учебники и учебные пособия по русскому языку и культуре речи, предназначенные для российских и иностранных учащихся из стран дальнего зарубежья [Пугачев, Будильцева, Варламова, Царева 2007;

Пугачев, Будильцева, Новикова, Варламова 2022]. На современном этапе очевидна необходимость создания специальных учебных материалов для студентов-билингвов из стран СНГ.

Актуальность вопросов обучения тюркоязычных учащихся культуре русской речи обусловлена: 1) недостаточностью научных изысканий, посвященных проблемам освоения грамматических, лексических и стилистических норм современного русского литературного языка тюркоязычными учащимися; 2) малоизученностью вопроса преподавания данного курса в тюркоязычной аудитории и как результат — отсутствием методически выверенной лингводидактической системы; 3) объективной сложностью изучения отдельных грамматических и стилистических явлений русского языка, обусловленной типологическими различиями языков, своеобразием их нормативно-стилистического строя, национально-культурной спецификой речевого поведения. Именно во взаимодействии перечисленных аспектов заключается наша исследовательская стратегия, в рамках которой ставится и решается проблема повышения качества обучения тюркоязычных учащихся культуре русской речи.

Работа выполнена в русле коммуникативной методики, одним из важнейших принципов которой является учет влияния родного языка и родной культуры учащихся. Известно, что изучение иностранного языка всегда проходит в тесном взаимодействии систем родного и изучаемого языков в сознании учащихся. Л.В. Щерба писал, «что можно изгнать родной язык из процесса обучения ..., но изгнать родной язык из голов учащихся в школьных условиях — невозможно» [Щерба 2007: 90]. От правильного использования явлений положительного переноса и от своевременного предупреждения отрицательного переноса (интерференции) с родного языка на русский в значительной степени зависит успех овладения русским языком и культурой речи.

А при помощи продуманных методических приемов можно минимизировать влияние интерференции [Пугачев, Будильцева, Варламова, Новикова, Яркина 2021].

В результате анализа письменных и устных заданий был выявлен ряд грамматических, лексических и стилистических ошибок. Обратим внимание на наиболее частотные.

1. Образование и употребление существительных.

- Отсутствие в тюркских языках категории рода провоцирует в речи учащихся ошибки, связанные с неверным определением грамматического рода одушевленных и неодушевленных существительных (**наша преподаватель*, *твой книга, *новый тетрадь). Особую трудность представляют неодушевленные существительные женского рода на *-ость*, *-знь*, *-вь*, *-дь*, *-ль*, *-щь*, которые учащиеся, как правило, относят к мужскому роду (*этот возможность, *мой жизнь, *большой любовь, *Красный площадь, *главный цель, *первый помощь). Очевидно, что в целом доминирующим является употребление мужского рода (*младший сестра, *мой имя, *тот время).

- Ошибки в образовании форм множественного числа в речи билингов не связаны с интерференцией, а объясняются незнанием правил образования форм множественного числа и в некоторых случаях смешением стилистических вариантов (*ректорА, *инженерА, *конструкторА, *профессорЫ, *докторЫ.) Однако есть случаи, когда употребление форм множественного числа в русских словах группы *singularia tantum* вызвано влиянием родного языка, в котором аналогичные существительные имеют форму множественного числа (*нефти вместо *нефть*, *крови вместо *кровь*, *молодёжи вместо *молодёжь*).

- Ошибки в образовании и использовании падежных форм:

- неправильный выбор падежного окончания. Отчасти это может быть вы-

звано неверным определением рода существительного (*три месяцы, **экзамен по математику*, *весь неделя); однако в большинстве случаев — незнанием русской падежной системы (*знаю физика, **интересовался этот предмет*);

- употребление неправильного предлога или его отсутствие (**находится в юге страны*; **был на поликлинике*; *ходил курсы; **родился 2003 году*). Имеют место также ошибки обратного характера: добавление предлога в русские беспредложные конструкции (**приехал в 20 сентября*; **Занятия закончились в поздно вечером*);

- употребление падежа в несвойственном ему значении (**Купил билеты из интернета* вместо *в интернете*; **Наш преподаватель зовут ...*, *Моя сестра 9 лет). В частности, смешение винительного и дательного падежей при выражении направления движения (**прийти на директора* вместо *к директору*; *войти к классу вместо *в класс*; **часто ходил к библиотеке* вместо *в библиотеку*). Данные ошибки носят интерференционный характер.

2. Употребление прилагательных и наречий.

2.1. Поскольку в тюркских языках, в отличие от русского, имена прилагательные, выступая в роли определения, не согласуются с определяемыми словами ни в роде, ни в числе, ни в падеже, а примыкают, в речи тюркоязычных студентов нередко отсутствует согласование прилагательного с существительным (*трудный вопрос*, *трудный задача, *трудный задание).

2.2. При выражении образа действия в глагольных конструкциях вместо наречий нередко употребляется прилагательное в форме мужского рода (**слушал внимательный*, *ходит быстрый, **правильный решить*).

3. Образование и употребление видов глагола.

В тюркских языках отсутствует категория вида глагола, поэтому студенты-билингвы сталкиваются с большими трудностями в осознании роли видо-временной системы в русском языке, в пони-

мании закономерностей формообразования глаголов совершенного вида, а также в употреблении глаголов совершенного и несовершенного вида в различных коммуникативных ситуациях. Этим вызваны серьезные ошибки в устной и письменной речи тюркоговорящих учащихся (**Завтра я буду решить этот вопрос*; **Здравствуйте! Можно входить?*; **Я изучил физику 5 лет*; **Раньше он никогда не сказал об этом*; **Давай встречаемся завтра вечером!*).

4. Образование и употребление глаголов движения.

В тюркских языках глаголы движения отсутствуют как лексико-семантическая группа, поэтому частотны ошибки, связанные с неразличением русских глаголов в зависимости от средств и способов передвижения, однонаправленности-разнонаправленности, а также однократности-многократности обозначаемого действия: **пришел из Узбекистана*; **до центра можно дойти на метро*; **Мальчик медленно ходил домой*; **По пути домой мы часто зашли в кафе*; **Не ждите директора, он уже вышел домой*. Наличие большого количества приставок и их многозначность в русских глаголах движения значительно затрудняют правильное их использование, что приводит к коммуникативным неудачам.

5. Построение словосочетаний и предложений.

5.1. В тюркских языках при выражении значения принадлежности преобладает связь примыкание (существительное + существительное). Поэтому учащиеся часто неправильно составляют словосочетания с притяжательными прилагательными, заменяя их субстантивными конструкциями с обратным порядком слов (*книга магазин вместо *книжный магазин*; *студент билет вместо *студенческий билет*; *футбол клуб вместо *футбольный клуб*).

5.2. Несовпадение управления в русских и тюркских словосочетаниях провоцирует синтаксические ошибки следующего типа: **Он писал на доску* вместо *Он писал на доске*; **Можно пользоваться*

ся от словаря вместо *Можно пользоваться словарем*.

5.3. Неправильное определение рода существительных и отсутствие морфологических показателей рода у глаголов в тюркских языках приводит к многочисленным ошибкам в согласовании как на уровне словосочетания (атрибутивная связь), так и на уровне предложения (координация форм существительного и прилагательного / глагола): **Мой родной страна*; **очень трудный задание*; **Наш новый студентка приехал в октябре*; **Этот выставка открылся недавно*. Ошибки наблюдаются также и при согласовании подлежащего во множественном числе с глагольным сказуемым: **Студенты опоздал на экзамен*.

5.4. При употреблении деепричастного оборота встречаются ошибки, связанные с соотнесением действий деепричастия и сказуемого к разным субъектам: **Выбирая профессию, меня интересовали перспективы работы*; **Окончив третий курс, нас направили на практику*.

5.5. Ошибки при переводе прямой речи в косвенную проявляются, как правило, в отсутствии замены местоимений и глагольных форм: *Преподаватель сказал, что я не смогу дать вам консультацию в субботу* вместо *что он не сможет дать нам консультацию в субботу*; *Отец спросил меня, почему ты хочешь стать строителем* вместо *почему я хочу стать строителем*.

5.6. Для тюркских языков характерен фиксированный порядок слов, при котором предикат находится в конце предложения. Этим можно объяснить нетипичное для русского синтаксиса построение фразы, когда сказуемое ставится в конец предложения и ему предшествует зависимое слово. Например: **Я в университет поступать решил* вместо *Я решил поступать в университет*; **Отец информацию в интернете нашёл* вместо *Отец нашёл информацию в интернете*.

6. Ошибки в словоупотреблении.

6.1. В случае, когда двум русским лексическим единицам соответствует одна

лексема в тюркских языках, наблюдаются ошибки типа: *Сестра женилась вместо *вышла замуж*; **учиться математику* вместо *изучать математику*; *изучать читать вместо *учиться читать*; **Молодая девочка работает преподавателем* вместо *молодая девушка*. По этой же причине тюркоязычные студенты не различают ситуации употребления таких глаголов, как *вспомнить* и *запомнить*: *Он вспомнил / запомнил свой первый день в Москве*.

6.2. Ошибки могут возникать на фоне так называемой межъязыковой омонимии, когда слова в родном языке обозначают, например, науку (сферу деятельности), а в русском языке — одушевленный субъект (человека): *Мне очень нравится *физик* вместо *физика*; *Его отца очень интересует *политик* вместо *политика*.

6.3. Неразличение паронимов и, как следствие, их неправильное употребление — достаточно частотное явление в речи учащихся. Приведем примеры: **Я был готов оплатить за обучение*; **Передо мной стал сложный выбор*; **Были места на экономичный факультет*.

6.4. Нарушение лексической сочетаемости может быть связано с буквальным переводом словосочетаний с родного языка на русский и/или обусловлено неправильным выбором из двух русских глаголов, которым в родном языке учащегося соответствует только один. Например, не различаются глаголы в русских словосочетаниях типа: *знать математику* и *уметь считать* (ср. узб. *matematikani bilish, hisoblashni bilish*); *просить деньги* и *спрашивать совета* (ср. узб. *pul so'rash, maslahat so'rash*).

7. Ошибки в речевом этикете, допускаемые тюркоязычными студентами, можно условно разделить на две группы.

7.1. Ошибки, вызванные существенными лингвокультурными различиями русскоязычной и тюркоязычной картин мира.

Приведем наиболее типичные примеры коммуникативных неудач, связанных с нарушением русского речевого этикета:

- привычное для некоторых представителей стран СНГ обращение к незнакомому человеку с использованием слов «брат», «сестра», что в русской речевой культуре воспринимается как стилистически сниженное;

- при обращении к незнакомым пожилым людям могут использоваться слова «тётя», «дядя», вызывающие недоумение у носителей русского языка;

- неоправданное использование местоимения «ты» вместо «вы» и соответствующих глагольных форм 2-го лица единственного числа в разговоре с собеседниками, старшими по возрасту или имеющими более высокий социальный статус;

- использование этикетных форм, свойственных родному языку и несвойственных русскому (**Кто это говорит, пожалуйста?*; **Можно открыть окно, пожалуйста?*).

7.2. Ошибки, характерные для речи современной молодежи в целом.

В письменной речи:

- отсутствие обращения к адресату, в том числе по имени-отчеству;

- использование не принятых в этикете приветствий типа «Доброго утречка!», «Доброго времени суток!»;

- выражение просьбы с помощью «гибридной» формулы «Можно, пожалуйста...?»;

- отсутствие обязательной конечной формулировки в деловом письме «С уважением, ...»;

- использование наречия «Хорошо!» для выражения благодарности (вместо традиционного «Спасибо!»);

- фамильное выражение согласия с помощью англицизма «Ок».

В устной речи:

- фамильные формулы приветствия и прощания в адрес собеседника, старшего по возрасту или имеющего более высокий социальный статус: «Привет!», «Пока!», «Счастливо!»;

- просторечная форма выражения извинения «Я извиняюсь»;

- просторечная реплика-ответ на извинение «*Да ладно, ничего!*»;
- замена обращения по имени глагольной формой «*Слушай!*» или междометием «*Эй!*» для привлечения внимания;
- неуместное в деловой коммуникации обращение к официальному лицу с вопросом «*Как дела?*»;
- фамильярное выражение согласия «*Ладно!*», «*Ладненько!*», «*Ну да*».

На основе анализа ошибок тюркоязычных студентов в письменной и устной речи и их ответов на вопросы анкеты авторами статьи были спрогнозированы трудности в обучении культуре русской речи данного контингента учащихся. Это дало возможность разработать комплексный методический подход, учитывающий, с одной стороны, специфику языковых картин мира носителей русского и тюркских языков, с другой стороны — типологические различия изучаемого и родного языка билингов. На основе разработанного подхода был составлен план-программа курса «Русский язык и культура речи», ориентированный на тюркоязычных учащихся из стран СНГ.

Раздел I. ГОВОРИМ ПРАВИЛЬНО!

Тема 1. Кто я? Какой я?

Урок 1.

- Понятия курса: язык, литературный язык, языковая норма, нелитературные разновидности языка, речь, культура речи, речевой этикет, функциональные стили речи.
- Произношение, ударение, интонация: разноместность и подвижность ударения, произношение звуков в трудных позициях, особенности интонации.

• Коммуникативная практика (работа с текстом, речевой этикет).

Тема 2. Мой университет

Урок 2.

- Грамматическая разминка.
- Лексика и фразеология: точность словоупотребления, лексическая сочетаемость; употребление паронимов.

• Коммуникативная практика (работа с текстом, речевой этикет).

Урок 3.

- Грамматическая разминка.
- Лексика и фразеология: лексическая избыточность и недостаточность, уместность словоупотребления (ситуативная, стилистическая уместность; особенности использования оценочной лексики).

• Коммуникативная практика (работа с текстом, речевой этикет).

Тема 3. Жизнь в большом городе

Урок 4.

- Грамматическая разминка.
- Лексика и фразеология: чистота речи (устранение слов-паразитов, жаргонизмов, просторечной лексики).

• Коммуникативная практика (работа с текстом, речевой этикет).

Урок 5.

- Грамматическая разминка.
- Лексика и фразеология: выразительность речи (многозначность, синонимия, антонимия, использование фразеологизмов).

• Коммуникативная практика (работа с текстом, речевой этикет).

Тема 4. Великие люди в моей профессии

Урок 6.

- Грамматическая разминка.
- Морфология: определение рода существительных, склонение имен и фамилий.

• Коммуникативная практика (работа с текстом, речевой этикет).

Урок 7.

- Грамматическая разминка.
- Морфология: употребление отрицательных местоимений и местоименных наречий с частицами *НИ/НЕ* (*не с кем — ни с кем; некуда — никуда*). Склонение и употребление числительных.

• Коммуникативная практика (работа с текстом, речевой этикет).

Тема 5. Беречь Землю

Урок 8.

- Грамматическая разминка.

- От морфологии к синтаксису: образование причастий и деепричастий; их использование. Причастный оборот; его позиция в предложении.

- Коммуникативная практика (работа с текстом, речевой этикет).

Урок 9.

- Грамматическая разминка.

- Синтаксис: проблемы управления в именных, глагольных и предложных словосочетаниях.

- Коммуникативная практика (работа с текстом, речевой этикет).

Тема 6. Что мы любим читать?

Урок 10.

- Грамматическая разминка.

- Синтаксис: деепричастный оборот: образование, ограничения в употреблении.

- Коммуникативная практика (работа с текстом, речевой этикет).

Урок 11.

- Грамматическая разминка.

- Синтаксис: активные и пассивные конструкции. Различие в употреблении полной и краткой формы страдательных причастий.

- Коммуникативная практика (работа с текстом, речевой этикет).

Тема 7. Встречи с интересными людьми

Урок 12.

- Грамматическая разминка.

- Синтаксис: перевод прямой речи в косвенную.

- Коммуникативная практика (работа с текстом, речевой этикет).

Промежуточный контроль: тест.

РАЗДЕЛ II. ВЛАДЕЕМ СТИЛЯМИ!

Тема 8. Я и мои друзья

Урок 13.

- О стилистическом многообразии русского языка. Стилистический анализ текстов.

- Коммуникативная практика (работа с текстом, речевой этикет).

Урок 14.

- Неформально общаемся (особенности разговорно-бытового стиля).

- Коммуникативная практика (работа с текстом, речевой этикет).

Тема 9. Учеба — дело серьезное

Урок 15.

- Учимся учиться (особенности научного стиля): читаем научный текст, делаем презентацию, беседуем с преподавателем, выступаем с докладом.

- Коммуникативная практика (работа с текстом, речевой этикет).

Тема 10. Путь к успеху

Урок 16.

- Учимся говорить и писать официально (особенности официально-делового стиля): общаемся с администрацией и преподавателями; говорим по телефону; составляем документы и письма.

- Коммуникативная практика (работа с текстом, речевой этикет).

Итоговый контроль: зачетный тест.

Таковы основные тематические и лингвистические аспекты курса «Русский язык и культура речи для иностранных студентов-билингвов стран СНГ», направленные на формирование навыков адекватного речевого поведения в социокультурной и учебно-профессиональной сферах деятельности.

Заключение

1. Обучение русскому языку и культуре речи студентов-билингвов должно основываться на сопоставительном подходе, который предполагает обязательный учет своеобразия нормативно-стилистического строя изучаемого и родного языков и национально-культурной специфики речевого поведения их носителей, а также сознательную опору на результаты анализа типичных речевых ошибок представителей разных лингвокультур.

2. В методических целях сопоставление языковых явлений должно носить избирательный характер, что дает возможность прогнозировать реальные трудности при изучении данного курса носителями тюркских языков, что, в свою очередь, обеспечивает оптимальную организацию учебного процесса.

3. Эффективному овладению русским языком и культурой речи в значительной степени препятствуют расхождения в языковом мышлении представителей разных этнолингвокультур, связанные с несовпадением национальных картин мира, что проявляется в грамматике, лексике и стилистике.

4. В соответствии с разработанным подходом определяется объем, стилистическая и национально-культурная окраска учеб-

ного материала с учетом современных российских реалий и традиций. При этом необходимо ориентироваться на возможную реакцию представителей тюркоязычных культур.

5. Целенаправленный отбор и организация учебного материала предполагают учет ошибок, вызванных не только межъязыковой, но и внутриязыковой интерференцией.

Литература

1. Бахтикиреева У.М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 2005. 39 с.
2. Бертагаев Т.А. Билингвизм и его разновидности в системе употребления // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 82–88.
3. Богородицкий В.А. О преподавании русской грамматики в татарской школе / В.А. Богородицкий. 5-е изд., доп. Казань: Татгосиздат, 1951. 24 с.
4. Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков // Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. Том 1. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 362–372.
5. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.
6. Валиуллина З.М. Сопоставительная грамматика русского и татарского языков: пособие для студентов и учителей. Казань, 1968. 126 с.
7. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969а. 160 с.
8. Верещагин Е.М. Вопросы теории речи и методики преподавания иностранных языков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969б. С. 27–31.
9. Вишневская Г.М. Билингвизм и его аспекты: Учебное пособие. Иваново: ИвГУ, 1997. 98 с.
10. Дешериев Ю.Д. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия: Сборник научных трудов. М.: Наука, 1972. С. 28, 33.
11. Мельникова А.Ю. Проблемы обучения русскому языку как иностранному студентов из Узбекистана // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 2. С. 50–54.
12. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гум. вузов и учащихся лицеев. 2-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2000. 207 с.
13. Пугачев И.А., Будильцева М.Б., Варламова И.Ю., Новикова Н.С., Яркина Л.П. Обучение иностранцев русскому языку и культуре речи в аспекте сопоставительного метода: монография. М.: РУДН, 2021. 158 с.
14. Пугачев И.А., Будильцева М.Б., Варламова И.Ю., Царева Н.Ю. Практикум по русскому языку и культуре речи: Учебное пособие. 5-е изд., перераб. и доп. М.: РУДН, 2009. 161 с.
15. Пугачев И. А., Будильцева М.Б., Новикова Н.С., Варламова И.Ю. Русский язык как иностранный. Культура речевого общения: учебник для вузов. Гриф УМО. Москва: Издательство Юрайт, 2022. 231 с.

16. Таирова А.В. Формирование языковой и коммуникативной компетенции студентов из стран СНГ (Туркменистан, Таджикистан) в процессе преподавания РКИ (обучение монолог-повествованию) // Русская речь в современном вузе: материалы Шестой международной научно-практической интернет-конференции / отв. ред. д. п. н., проф. Б.Г. Бобылев (20 октября 2009 — 20 ноября 2009 г., ОрелГТУ). — Орел: ОрелГТУ, 2010. С. 151–154.
17. Хамраева Ё.Н. Классификация частей речи в русском и узбекском языках [Электронный ресурс] // Электронный периодический научный журнал «SCI-ARTICLE.RU». 2014. № 9 (май). URL: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1401383096> (дата обращения: 31.01.2023)
18. Шанский Н.М. Сопоставление как один из методических приемов обучения русскому языку нерусских // Русское языкознание и лингводидактика. М.: Русский язык, 1985. 255 с.
19. Щерба Л.В. К вопросу о двуязычии // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 313–318.
20. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Аспект Пресс, 2007. 259 с.
21. Юдакин А.П. Билингвизм и проблема связи языка и мышления (исторический аспект) // Теоретические проблемы социальной лингвистики : коллект. монография. М.: Наука, 1981. С. 238–239.

Methodological forecasting of difficulties in teaching the Russian language and speech culture to students from CIS countries

Ivan A. Pugachev,
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Head of the Russian Language Department
Russian Language Institute, RUDN University
E-mail: pugachev-ia@rudn.ru

Marina B. Budiltseva,
Ph. D. in Philology, Associate professor of the chair of Russian
Russian Language Institute, RUDN University
E-mail: budiltseva-mb@rudn.ru

Irina Yu. Varlamova,
Ph. D. in Philology, Associate professor of the chair of Russian
Russian Language Institute, RUDN University
E-mail: varlamova-iyu@rudn.ru

The article discusses scientific and methodological issues of teaching the Russian Language and Speech Culture to bilingual students from the CIS countries. The author's concept of selection and organization of educational material in the context of ethno-linguistically oriented methodology is presented. The content and target aspects of the course aimed at Turkic-speaking students are determined. The proposed approach makes it possible to predict and eliminate typical mistakes and communicative failures in the speech of bilingual students, helps them master the rules of Russian speech etiquette, and increases the level of their speech culture in various spheres of communication.

Key words: Russian Language and Speech Culture, speech etiquette, bilingual students, comparative approach, interference.

DOI: 10.18572/2687-0339-2023-1-51-55

V Международная конференция молодых ученых «Пространство и время в русской литературе и философии»

М.В. Сеницына,

кандидат филологических наук, преподаватель

Институт экономики и управления

АПК Российского государственного аграрного университета —

МСХА имени К.А. Тимирязева

E-mail: m.sinicina@rgau-msha.ru

Статья посвящена V Международной конференции молодых ученых «Пространство и время в русской литературе и философии», приуроченной к 90-летию Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН. В конференции участвовали ученые из вузов Москвы и других городов России, а также зарубежные коллеги из Китая. Материалом для анализа пространственно-временной организации текста послужили произведения от древнерусской литературы до новейшей русской литературы. Особое внимание на теоретическом и практическом уровнях было уделено понятию хронотопа.

Ключевые слова: пространство, время, русская литература, философия, хронотоп.

15–16 ноября 2022 г. в Москве, в научной библиотеке и мемориальном музее «Дом А.Ф. Лосева» состоялась V Международная конференция молодых ученых «Пространство и время в русской литературе и философии». Соорганизаторами, кроме «Дома А.Ф. Лосева», выступили Научная лаборатория «Rossica: русская литература в мировом культурном контексте» и Совет молодых ученых ИМЛИ РАН, Центр русского языка и культуры имени А.Ф. Лосева Института филологии МПГУ, а также журнал «Соловьевские исследования», издаваемый Ивановским государственным энергетическим университетом имени В.И. Ленина. Конференция была приурочена к юбилейной дате — к 90-летию создания Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Открыли конференцию председатель Оргкомитета профессор кафедры истории русской литературы МГУ Е.А. Тахо-Годи и руководитель Центра русского языка и культуры имени А.Ф. Лосева, профессор МПГУ,

доктор культурологии А.В. Святославский.

В приветственном слове *Е.А. Тахо-Годи*, открывшей пленарное заседание, было отмечено, что мысль о необходимости такого типа конференций возникла в 2018 г. в ходе реализации научного проекта, разработанного в ИМЛИ при поддержке РНФ и посвященного проблеме взаимодействия литературы и философии. Поскольку понимание художественного текста, его философской составляющей теснейшим образом связано с анализом пространственно-временной организации художественного произведения, то данные вопросы находятся в поле зрения как философов, так и филологов. Как позже подчеркнул *А.В. Святославский*, конференция осмысляет важнейший момент в нашем мироустройстве, поскольку человек одновременно путешествует по двум осям: во времени и в пространстве, которые сливаются воедино. В выступлении *В.П. Троицкого* («Дом А.Ф. Лосева»,

«Топос и хронотоп: драма идей») было акцентировано, что в науке к слитному рассмотрению двух концептов — пространства и времени — путь был трудным и медленным. Было показано, как из одного источника — из работы «Raum und Zeit» Г. Минковского (1908), по-разному извлекались генеральные идеи о пространстве и времени П.А. Флоренского, А.А. Ухтомского, М.М. Бахтина. Проблему «глубокого» текста Достоевского, совмещающего два плана — поверхностный и метафизический, рассмотрела Т.А. Касаткина (ИМЛИ, «Степень интенсивности использования текстового пространства в «глубоком» тексте: Ф.М. Достоевский, «Преступление и наказание»), обратившись к суггестивному абзацу текста романа (речь Мармеладова, «Когда единокровная дочь моя...»). В докладе В.Г. Андреевой (ИМЛИ, «Роль воспоминаний в организации художественного времени и композиции повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат») было показано, как Толстой разрабатывает свою идею времени на философской основе одновременности явлений. Как доказал автор, для писателя были важны не события с объективной (исторической) точки зрения, а воспоминания, дополненные воображением, которые обращают внимание читателя на сложность и красоту духовной жизни человечества. А.Г. Гачева (ИМЛИ) вернула научное сообщество к разговору о русском космизме, выступив с докладом «“Сделать пространство своим телом, а время — своей кровью”. Пространство и время в философской и художественной практике А.К. Горского».

Первое заседание конференции 15 ноября открылось докладами, посвященными древнерусской литературе. А.В. Шаповалов (МГУ, «Упоминания времени в Новгородской первой летописи как объект редакторской правки»), И.Э. Иванов (МГУ, «И обычай имѣють своею мелкою грамматикою Бога опредѣляти мимошедшими времени»: к вопросу о поэтике вре-

мени в старообрядческой книжности») и О.И. Докучаева (РГГУ, «Осмысление времени в древнерусских вопросно-ответных текстах») сосредоточили свое внимание на темпоральных мотивах в текстах древнерусской книжности. В выступлении Е.А. Андреевой (ИМЛИ, «Ордынское пространство в “Житии Михаила Ярославича Тверского”: реальное и символическое») были раскрыты стороны реального и символического пространства Орды в «Житии Михаила Тверского». Н.А. Демичева (ИМЛИ, «Пространство и время в текстах о путешествиях в Персидскую землю конца XVI — первой половины XVII вв.») проанализировала как пространственные, так и временные маркеры в статейных списках русских послов, а также в «Хожении московского купца Ф.А. Котова».

Во второй части первого заседания рассматривались тексты XVIII — начала XIX вв. В докладе Н.Р. Тестовой (Литинститут, «Взаимодействие литературного, сценического и социального хронотопа в пьесе Екатерины II “Федул с детьми”») было отмечено, что хронотоп пасторали основного сюжета пьесы при поддержке хронотопа спектакля меняет правила поведения в пространстве социальных отношений. Хронотоп меланхолии, а также оппозиция сельского и городского пространства в сентименталистском контексте интерпретировались в докладе М.В. Сеницыной (РГАУ-МСХА, «Осмысление категории пространства в очерках В.Ф. Малиновского “Россиянин в Англии” и “Записки о Молдавии”»). Особенности устройства художественного пространства од рассматривались в докладах А.Ю. Антонова (МГУ, «Художественное пространство поздних од В.В. Капниста: рецепция горацианских мотивов») и А.Ф. Багаевой (МГУ, «Пространство мира и войны в одах времен русско-турецких войн последней трети XVIII — первой трети XIX вв.»).

На втором заседании 15 ноября речь шла о русской классической литерату-

ре XIX в. *Д.И. Мишина* (МГУ, «Функция хронотопа в “Европейских письмах” В.К. Кюхельбекера: трансформация модели отечественной литературной утопии») выявила новаторскую природу «Писем» в контексте развития русской утопии. *А.Е. Рожкова* (Литинститут, «Мистические пространства романтизма: драматическая мистерия В.К. Кюхельбекера «Ижорский» и отрывки трагедии «Грузинская ночь» А.С. Грибоедова») отметила близость произведений Кюхельбекера и Грибоедова к жанру «феерия». *М.Ю. Попова* (Уральский государственный педуниверситет, «Трансформация образа степи в творчестве Е.П. Ростопчиной») проследила динамику развития образа степи в творчестве Ростопчиной.

Используя терминологию неклассической философии, *Д.А. Теслюк* (Южный федеральный университет, «Гетеротопии в пространственно-временной структуре повестей Н.В. Гоголя: феномен трансгрессии») рассмотрела феномен трансгрессии в гетеротопном пространстве гоголевских повестей на онтологическом уровне. В докладе «“Пространство человека” и “Пространство истории” в романе Я.П. Полонского “Признания Сергея Чалыгина”» *А.В. Тарзаевой* (МГУ) акцент делался на взаимодействии личности и истории.

Художественный мир Чехова и особенности хронотопа в разных произведениях писателя рассматривался в выступлениях *Ю.В. Ворониной* (МГУ, «Фантастическое пространство и время в повести А.П. Чехова “Чёрный монах”») и *Ю.Ю. Ишутиной* (МГУ, «Взаимодействие времени и пространства в рассказах А.П. Чехова «Верочка» и «Студент»). *Чэнь Фанмин* (Китай, Шэньчжэнь, университет МГУ-ППИ) в докладе «“Реальные географические локусы” и их смысл в цикле К.К. Случевского “Мурманские отголоски”» пришла к выводу, что через конкретное и малое (локусы природного пространства) Случевский воссоздает целостную картину мироздания.

Предметом исследования третьего заседания 16 ноября стала русская литература начала XX в. *М.С. Щавлинский* (ИМЛИ, «Категории пространства и времени в «Сирийских рассказах» С.С. Кондурушкина и «Храме Солнца» И.А. Бунина») проанализировал хронотоп Востока произведениях Кондурушкина и Бунина, имеющих тематическое единство и общие претексты, а *А.В. Филатов* (МГУ, ИМЛИ, «Мифологическое пространство и время в «арбенинском» цикле стихотворений О.Э. Мандельштама») — мифологический хронотоп стихотворений Мандельштама 1920 г., воссоздающих за личными переживаниями и впечатлениями лирического героя события катабазиса и анабазиса — схождения в мир мертвых и возвращения в мир живых. В фокусе рассмотрения *Ю.Ю. Анохиной* (ИМЛИ, «“Вывести из ада Эвридику...”»: Вяч. Иванов о «женском» и «мужском» в пространстве романов Ф.М. Достоевского») находился вопрос о том, как Вяч. Иванов понимает связь между спецификой художественного пространства романов Достоевского и воплотившихся в них категориях «мужского» и «женского» в метафизической плоскости. В докладах *А.А. Храмовой* (МГУ, «Философия А. Бергсона в творчестве О.Э. Мандельштама: от рецепции к творческому переосмыслению»), *Д.А. Аксеновой* (МГУ, «Мистическая историософия Велимира Хлебникова в контексте идей западной и русской философии») и *Д.А. Бережнова* (МГУ, «Проблема памяти в прозе Набокова: В.В. Набоков и А. Бергсон») нашла отражение проблема взаимодействия художественных текстов с философией А. Бергсона. *Чжу Цзывэй* (Китай, Шэньчжэнь, университет МГУ-ППИ, «Отношение пространства и времени в травелогах: на примере рассказа «Облако, озеро, башня» В.В. Набокова») описала образ поезда, который соединил реальный мир с потенциальным миром в будущем в рассказе Набокова, а *А.А. Юдникова* (Костромской государственный университет,

«Образ странника в очерковых циклах Б.К. Зайцева “Афон” и “Валаам”: генезис, функции, поэтика») — образ странника в его различных ипостасях у Зайцева.

На четвертом заседании 16 ноября продолжился разговор о русской литературе начала XX в. В докладе *А.С. Кравец* (РУДН) «Философия истории в абстрактном пространстве (на материале раннего рассказа А.П. Платонова “Жажда нищего»)» было введено понятие абстрактного пространства в историософии Платонова. *Е.С. Апалькова* (МГУ, ИМЛИ, «Реальное и магическое пространство в рассказах А.С. Грина “Крысолов” и “Фанданго»)» остановилась на рассмотрении магического пространства, противопоставленного реальному послереволюционному Петрограду. Проблема переосмысления топоса дачи у Маяковского была затронута в выступлении *Н.В. Михаленко* (ИМЛИ, «Топос дачи в творчестве В.В. Маяковского»). *А.В. Макарова* (МГУ, «Аксиология пространственно-временных характеристик в пьесе Н.К. Рериха «Милосердие»)» исследовала гетерогенный художественный мир философской пьесы Рериха. К Живой Этике Рериха обратилась и *Е.В. Масяйкина* (Национальный исследовательский Томский государственный университет) в докладе «Категории времени и пространства в произведении Г.Д. Гребенщикова “Моя Сибирь” и ее англоязычном автопереводе “My Siberia”. Завершая секцию, *С.А. Огудов* (Госфильмофонд, «Время в сценарном нарративе: киносценарий С.М. Эйзенштейна «Броненосец “Потёмкин”»)» сосредоточил свое внимание на нарративной скорости в сценарном тексте.

В докладах *А.А. Гравина* (ИМЛИ; Социологический институт РАН, «Пространство и время в эйдетической диалектике А.Ф. Лосева»), *Е.А. Кислицыной* (МПГУ, «Мифопоэтическое пространство сновидений в романе А.Ф. Лосева “Женщина-Мыслитель”)» и *Е.А. Фетисовой* (МПГУ, «“Обезьяний лик” личности в рассказе А.Ф. Лосева “Театрал”)»

пятого заседания 16 ноября анализировалось литературное и философское наследие А.Ф. Лосева. Темой выступления *Е.М. Захаровой* (ИМЛИ, «Вопрос необычен, ответ неизбежен»: пространственно-временной континуум “Недопеска” Ю.И. Ковалева») и *А.В. Маркова* (МГУ, «Время библейское, актуальное, онтологическое в “Поэме о Сталине” А.А. Галича») стало осмысление пространства советского государства в послесталинскую эпоху. Космическое пространство в произведениях русской литературы XX в. было рассмотрено в докладах *О.В. Закутняя* (Институт космических исследований РАН, «Космос: пустота, путь или место для жизни?») и *И.В. Морозовой* (Национальный исследовательский Томский государственный университет, «Художественное пространство и время в малой прозе В.Д. Колупаева (на материале повести “Дзюпки”, 1989»). О мифологическом хронотопе, помогающем Садур выстроить собственную онтологическую модель мира, было сказано в докладе *В.В. Доценко* (МГУ, «Пространство и время в ранних пьесах Н.Н. Садур “Чудная баба” и “Ехай”)». В докладе «Специфика хронотопа в пьесе «На донышке» М. Биттера-младшего» *К.Ю. Ильиной* (Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова) была отмечена амбивалентность хронотопических ситуаций пьесы.

Шестое заседание 16 ноября было посвящено новейшей русской литературе и современному литературному процессу. Особенности хронотопа цифровой поэзии, в которой визуальная композиция обретает темпоральное измерение, были отмечены *А.В. Швец* (МГУ, «Хронотоп цифровой поэзии: темпоральность спецэффекта и пространственная композиция»). В докладе «“И дольше века длится день...”»: О принципах и границах историзма в повести В.Г. Сорокина «День опричника»)» *Д.М. Цыганова* (МГУ) были выявлены вероятные источники сорокинского

текста. *М.А. Хлебус* (Москва, независимый исследователь, «Экзистенциальная хронология в современном романе: “Миусская площадь” М.М. Голубкова, “Каменный мост” А.М. Терехова») рассмотрела темпоральную структуру романов современных писателей, где время является одновременно конструктивным принципом, темой и основой философско-эстетической проблематики. Сопоставление текстов в докладе «Хронотоп исторической травмы: сравнительно-сопоставительный аспект (на материале графических романов О.А. Лаврентьевой “Сурвило” и К.-Ж. Кымсук “Трава”)» *Е.А. Даутовой* (Челябинский государственный университет) показало, что в графических романах хронотоп наделяется символическим значением. В единой ткани мира («системе координат») восстанавливается утраченная гармония мира благодаря многостороннему диалогу автор—герой—читатель.

Д.Ю. Сырысева (ИМЛИ) в докладе «Экзистенциальное осмысление прошлого в повести Н.Е. Дьячковой “Исповедь исчезнувших”» обратилась к экзистенциальному представлению времени в художественной структуре повести якутской русскоязычной писательницы.

Первая конференция, посвященная взаимодействию пространства и времени, состоялась 25 ноября 2018 года. На ней было прочитано 3 пленарных доклада и 13 докладов молодых ученых и студентов. С каждым годом количество участников растет, расширяется и их география. На сегодняшний день в научном пространстве Москвы сложился научный маршрут, объединяющий ИМЛИ, «Дом А.Ф. Лосева», МГУ, МПГУ. Интерес к конференции не угасает, что свидетельствует о научной потребности осмысления категорий времени и пространства в литературе и философии.

The V International Conference of Young Scientists «Space and Time in Russian Literature and Philosophy»

Mariia Sinitsyna,

Ph. D. in Philology, lecturer

Institute of Economics and Management of the Agro–Industrial Complex,

Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Agricultural Academy

E-mail: m.sinicina@rgau-msha.ru

The article is devoted to the V International Conference of Young Scientists «Space and Time in Russian Literature and Philosophy» dedicated to the 90th anniversary of A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. The conference was attended by scientists from Moscow institutions, including Lomonosov Moscow State University, and other Russian cities, as well as foreign colleagues from China. The material for the analysis of the spatiotemporal organization of the text was the works from ancient Russian literature to the latest Russian literature. Special attention at the theoretical and practical levels was paid to the concept of chronotope.

Key words: space, time, Russian literature, philosophy, chronotope.

Правила оформления статей и материалов, подаваемых в «Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература»

К публикации в журнале принимаются статьи и материалы на русском и английском языках, строго соответствующие профилю журнала: научное изучение русского языка и русской литературы, а также теория и практика преподавания русского языка и русской литературы в российской и иноязычной аудитории. Статьи иной проблематики редакционной коллегией не рассматриваются и не рецензируются.

Редколлегия журнала оставляет за собой также право не рассматривать статьи, оформленные с нарушением всех указанных ниже требований.

Все материалы, предлагаемые авторами для публикации, направляются на электронный адрес **professor_rll@mail.ru**.

Формат файла: *doc, *docx или *rtf.

Если статья содержит таблицу, схему, рисунки, убедительная просьба присылать статью также в формате *pdf, так как указанные фрагменты текста могут смещаться, деформироваться или теряться.

Объем подаваемых материалов:

Статья — от 15 000 до 30 000 знаков с пробелами.

Рецензии и информация о научных конференциях — до 10 000 знаков с пробелами.

Параметры страницы: размер бумаги — А4; ориентация — книжная; все поля — 2 см. Страницы не нумеруются.

Опция «Перенос» не используется.

Заголовок статьи помещается по левому краю без отступа, 16 pt Times New Roman, полужирный. Первое слово с прописной буквы, дальше строчные буквы (не CapsLock).

Имя, отчество и фамилия автора (авторов) помещаются по левому краю, 12 pt Times New Roman, полужирный. После запятой с новой строки со строчной буквы указываются ученая степень, ученое звание и должность автора (авторов); с новой строки указывается место работы (12 pt Times New Roman).

Строкой ниже после слова **E-mail** дается адрес электронной почты автора (авторов) статьи (**E-mail:** abc@defg.ru).

Далее с новой строки помещается **аннотация на русском языке**, перед текстом которой слово «Аннотация» **не пишется** (11 pt Times New Roman, выравнивание по ширине). **Объем аннотации** — 500–600 знаков с пробелами.

Затем с новой строки после слов «**Ключевые слова**» (11 pt Times New Roman, полужирный) помещаются **ключевые слова и словосочетания на русском языке** (не более 5 понятий, 11 pt Times New Roman, выравнивание по ширине).

Аннотация и ключевые слова помещаются с **абзацным отступом** 0,5 см; выполняется через меню «Формат»→«Абзац».

Текст статьи: 12 pt Times New Roman, междустрочный интервал одинарный. Выравнивание по ширине.

Абзацный отступ — 1 см — выполняется через меню «Формат»→«Абзац» (не табуляцией или пробелами).

Сноски постраничные. Если в Вашей статье используются редкие шрифты или специальные символы, убедительная просьба прилагать к статье файл с данным шрифтом.

Таблицы оформляются **автоматически** через соответствующие опции (не рисуются вручную с помощью линий и табуляции).

Схемы и рисунки вставляются как «**врезанный**» объект, обязательно нумеруются и именовются.

Список использованной литературы приводится после текста статьи. Слово **Литература** помещается по левому краю, 12 pt Times New Roman, полужирный. Перечень источников дается в алфавитном порядке (без нумерации) и оформляется по ГОСТу, 11 pt Times New Roman. В тексте статьи ссылка на источник оформляется в **квадратных скобках**, например: [Золотова 1974: 56].

В конце публикации помещаются **библиографические данные** статьи **на английском языке**:

заголовок статьи дается по левому краю без отступа, 16 pt Times New Roman, полужирный; первое слово с прописной буквы, дальше строчные (не CapsLock);

имя и фамилия автора (авторов) в той форме, как они именуют себя в англоязычных публикациях, по левому краю, 12 pt Times New Roman, полужирный; после запятой с новой строки со строчной буквы указываются ученая степень, ученое звание, должность и место работы автора (авторов) (12 pt Times New Roman, курсив); с новой строки после слова E-mail дается адрес электронной почты автора (авторов) статьи (**E-mail:** abc@defg.ru).

Затем с новой строки помещается **аннотация на английском языке**: 11 pt Times New Roman. Слова «Abstract» / «Summary» не пишутся.

Далее с новой строки после слов «**Key words**» (11 pt Times New Roman, полужирный) помещаются **ключевые слова и словосочетания на английском языке** (не более 5 понятий).

Аннотация и ключевые слова помещаются с **абзацным отступом** 0,5 см.

Для выделения в тексте **используются** полужирный шрифт и разрядка. Подчеркивание не допускается. Курсив используется только для языковых иллюстраций (примеров).

В качестве **тире**, в том числе между цифрами, употребляется символ «короткое тире» (не длинное тире и не дефис).

При написании общепринятых буквенных сокращений типа *т. е.*, *и т. д.*, *и т. п.* обязателен пробел перед последним компонентом сокращения, как и между инициалами и фамилией (А.С. Пушкин), при этом используется **неразрывный пробел** (комбинация клавиш Shift+Ctrl+пробел).